

МАКСИМ ВОЙЛОШНИКОВ

**ХАРБИНСКАЯ
«КУВАЛДА»**

**СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН**

Максим Витальевич Войлошников
Харбинская «кувалда»
Серия «Сибирский
приключенческий роман»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74092602

ISBN 978-5-4484-4965-9

Аннотация

Мог ли спецотряд НКВД, состоящий из отпетых головорезов, решить исход советско-японской войны на Дальнем Востоке? Ответ становится очевиден, когда группа отважных героев под предводительством непобедимого товарища Ивана наносит сокрушительный удар по фашистской императорской Японии.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	37
Глава 6	50
Глава 7	54
Глава 8	62
Глава 9	76
Конец ознакомительного фрагмента.	86

**Максим Витальевич
Войлошников
Харбинская «кувалда»**

© Войлошников М.В., 2026

© ООО «Издательство „Вече“», 2026

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

* * *

*Меч – душа война.
Народная самурайская поговорка*

*Путь самурая – смерть.
Прописная истина*

Глава 1

Нанкин

Декабрь 1937 года. Дымятся руины полуразрушенного японским штурмом большого китайского города Нанкин, порта на реке Янцзы и бывшей столицы Гоминьдана. Китайская армия уже потеряла все танки и авиацию. Правитель большей части Китая, генералиссимус Чан Кайши отступил на Ханькоу, вверх по реке, не имея достаточных сил для обороны. На дворе стоит обычная южная зима – не жарко. Среди руин лежат еще не убранные трупы китайцев.

К чудом уцелевшему от обстрелов и бомбардировок китайскому кварталу подходит мерным шагом рота японских солдат. Вид у них усталый, обтрепанный и злой. Их марш от Шанхая до Нанкина не был шествием триумфаторов. Китайцы продолжали сражаться, и с ними приходилось расправляться. К счастью, враг был плохо вооружен и почти не обучен.

Усталый низкорослый лейтенант, рикугун-тюи¹, возглавляющий роту, подходит к воротам квартала.

– Оцепить все, – командует он, и первый взвод расходится в цепь, исчезающую за углом, в переулке.

Навстречу японцу, шаркая, выходит подслеповатый ста-

¹ Младший офицер в Императорской армии Японии.

рик с палкой – староста квартала.

– Мы отыскиваем переодевшихся солдат Гоминьдана. В вашем квартале есть такие люди? – на правильном китайском языке говорит молодой офицер. – Мы даем вам пять минут, чтобы выдать этих людей. Иначе все жители будут казнены.

– Но у нас нет солдат! Только местные жители! – отвечает недоуменно старик. Японец благосклонно кивает. В это время к нему подбегает солдат, порывшийся на квартальной помойке, в стороне от ворот. Он что-то шепчет офицеру на ухо и демонстрирует ему порванные и окровавленные ватные солдатские штаны. Офицер снова кивает, а затем точно молния сверкает – голова старика катится по земле, а в руке лейтенанта блестит самурайская сабля, с которой он стряхивает кровь.

– Даи хуакуроку жоу... Сто шестой... – как бы про себя шепчет он. – Кажется, я выиграю пари с лейтенантом Куроку... – Затем громко отрывисто командует: – Примкнуть штыки. Взорвать стену! Атаковать! Вырезать всех! Если насилуете женщин, не забываете их прирезать – никаких свидетелей!²

Двое обученных солдат специальным зарядом подрывают стену квартала в дальнем углу от входа, чтобы нанести удар сразу с двух сторон. Следом за взрывом раздается звонкий

² По официальным данным, во время Нанкинской резни погибло более 300 000 китайских граждан.

сигнал боевого рожка. Дым и пыль от взрыва еще не рассеялись, когда японские солдаты повзводно входят в образовавшийся пролом и в ворота и устремляются вглубь квартала. Раздаются выстрелы, крики, треск ручных пулеметов, и вскоре сплошной ор поднимается над жилыми домами, перекрывая несмолкающий грохот стрельбы. Японцы истребляют всех внутри пульей и штыком. Слышны приглушенные взрывы гранат, забрасываемых в дома, где укрываются люди. Оцепившие квартал снаружи стрелки то и дело палят в тех, кто пытается в панике перелезть стену и убежать.

Когда люди из-за стены наконец перестают показываться, солдаты оцепления тоже втягиваются внутрь, ища поживы. Лейтенант остается почти в одиночестве.

В этот момент из пролома стремительно выскакивает, оглядываясь с безумным видом, окровавленная китайская девочка лет четырнадцати, в синем рабочем костюме, с двумя косичками по бокам головы. Девочка кидается бежать опроретью вдоль улицы. Лейтенант выхватывает из кобуры уродливый пистолет «намбу», напоминающий тонкоствольный парабеллум, и быстро целится девочке в спину. Но тут же передумывает и, убрав пистолет, просто смотрит вслед убегающей китаянке. Словно оправдываясь, он с истинно самурайской меланхолической задумчивостью говорит оставшемуся с ним ординарцу:

– Кто-то ведь должен поведать китайцам о нашей непреклонной суровости...

Так происходило в кровавые дни Нанкинской резни...

Глава 2

Японские военные преступники совещаются

Наступил новый, 1940 год. Далеко на юг от города Харбина, выстроенного русскими почти полвека назад, расположен старинный Синьцин. Теперь он является столицей Маньчжоу-Го, марионеточного государства-протектората японцев, устроенного на древней земле Маньчжурии. В центре этого города горделиво возвышается новое большое, песчаного цвета, здание штаба японской Квантунской армии. Именно отсюда, а не из Мукдена, где армия располагалась до захвата Маньчжурии, японские генералы и принцы три года назад руководили вторжением в гоминьдановский Китай.

В зале совещаний собрались, блистая эполетами и орденами, многочисленные японские военные преступники, рассевшиеся вокруг большого дубового стола. На стене висит огромная карта мира, наверху которой, над полюсом, изображено красное японское солнце, распространившее повсюду свои лучи. На отдельном столике стоит кинопроектор, и напротив него висит белый экран: просмотр кинофильмов – любимое развлечение японцев. Разумеется, такое масштабное и злодейское совещание не могло обойтись без демонстрации некоего зловещего зрелища, уверенно сопернича-

ющего с самыми совершенными западными черно-белыми фильмами ужасов.

– Господа, только что мы с вами посмотрели документальный фильм, предоставленный нашим крупнейшим микробиологом, генералом Широ Ишии, об искусственной организации чумы в китайском городе Нинбо. Мне кажется, это верх самоотверженной японской кинодокументалистики, бесстрастно фиксирующей для потомков совершаемые нами во имя процветания Ямато бесчеловечные преступления. Лаборатории доктора Ишии, где происходят чудовищные и весьма вдохновляющие опыты над китайскими и русскими недочеловеками, располагаются на севере, под Харбином, – так начал заседание новый командующий Квантунской армией, невысокий худощавый генерал с огромной звездой императорского ордена на оливковом френче. – В свете таких исключительно смертоносных достижений в области оружия массового поражения совершение нами военных преступлений выходит на новый, невиданный ранее уровень. Степень полной безнаказанности за все наши зверства возрастает многократно! Поэтому перед нами теперь стоит важнейшая задача! Необходимо, не закончив еще разбираться с Китаем, решить вопрос о развязывании новой агрессивной войны! Кто первый выскажется по этому вопросу?

– Разрешите, я выступлю, генерал Ёсидзиро Умэдзу?! – резко поднявшись из-за стола, взял слово командующий флотом, коренастый смуглолицый адмирал небольшого ро-

ста. – Я хочу сказать, это несправедливо, что маленькая Англия распоряжается ресурсами половины мира, а наша великая нация их не имеет! А когда мы стараемся получить ресурсы, завоевывая Китай, то эти лупоглазые длинноносые англичане ни с того ни с сего помогают китайцам и ставят нам палки в колеса! Хотя предыдущие сорок лет они помогали именно нам, и мы к этому уже успели привыкнуть! Что за подлое коварство! И где справедливость? Проклятье! – Он выхватил самурайскую саблю и с силой рубанул по столу. От дубового дерева полетели щепки. – Так не может больше продолжаться. Если не хотят помогать нам против китайцев, как помогали против русских, пускай идут вон из нашей Азии! Я закончил! – Он так же резко садится.

Тут же вскакивает генерал-лейтенант, рикугун-тюдзе, среднего роста, с небольшими усиками на суровом насупленном лице.

– Адмирал Исороку Ямамото прав десять тысяч раз! Выкинуть англичан из Азии нам очень легко – как два пальца ...! Но у них есть два потенциальных союзника, у которых также имеются значительные ресурсы: Америка и Россия. Сначала надо их вывести из игры! Но с обоими сразу нам не сладить, несмотря на все наше безумство храбрости. Необходимо решить вопрос: на кого напасть вначале?

– На Россию!

– На Америку!

– Мы самураи, нападём на обоих сразу! – слышались

возгласы. – Это девиз самураев: слабоумие и отвага!

– Это несерьезно! – тут же вскочил усатый министр сухопутных войск, в трехзвездных погонах генерала армии, рикугун-тайсе, – пожилой, с узенькими глазенками, в больших очках, с лицом хитрого лиса. Это был предыдущий командующий Квантунской армией, ушедший с должности с повышением. Поистине, эта армия являлась отменной кузницей военных кадров для всей империи Восходящего солнца. – Генерал Ямасита, несомненно, прав! Но так же несомненно, что нам необходимо поговорить с господином Гитлером, вождем немцев, кого он возьмется отвлечь: русских или американцев? В конце концов, мы союзники по оси зла! Предлагаю генерала Ямаситу послать нашим представителем в Берлин, а когда вернется – предоставить ему личную возможность разделаться с англичанами в Сингапуре.

– Вы предлагаете, чтобы мы зависели от решений бывшего немецкого ефрейтора?! – взревел командующий флотом. – Бакка десу!³ Мы что, сами не можем решить, на кого напасть?! Мы военные преступники или нет?! Мы самураи! Лично мне все равно, на кого нападать, лишь бы напасть!

– Господа! Господа! Я согласен с мнением господина командующего флотом Ямамото! – поспешно вскочил командующий Квантунской армией генерал Умэдзу. – Инициатива должна исходить от нас. Мы сами должны решать, где будем совершать наши новые величайшие военные преступления

³ Глупец! (япон.)

во имя тэнно Ниппон! Но прав, однако, и наш проницательнейший военный министр, генерал Хидеки Тодзэ! Нам следует озаботиться интересами нашего немецкого союзника – хочет ли он захватить Балтимор или Сталинград? На каком фронте он нас поддержит? Поэтому я предлагаю: решение о том, на кого напасть, должен принять император! А немцы пускай берут на себя что останется.

–Банзай!– Все присутствующие военные преступники вскакивают, расставив ноги, и, выхватив сабли в знак согласия, кричат по-японски: «Тэнно хэйка банзай»!⁴ Потом все снова садятся.

– Кто возьмет на себя выяснить державную волю императора? – вопрошает адмирал Ямамото, обводя проницательным взором присутствующих. Вещим самурайским чутьем, исходящим из пятой точки, он предчувствует ожидающую его трагическую судьбу военного лидера грядущего столкновения.

– Предлагаю предоставить эту честь начальнику имперского Генштаба, маршалу, принцу Канъин-но-мия-Котохито – приемному деду его величества. Он самый старший и опытный военный преступник среди нас, – отвечает генерал Тодзио.

– Банзай!

Токио, императорский дворец, спустя несколько дней. В зале аудиенций на троне сидит худощавый и невысокий со-

⁴ Да здравствует император! (япон.)

рокалетний император Хирохито в мундире генералиссимуса. Входит с поклоном усатый седой статный человек в усыпанном орденами маршалском мундире – это семидесятипятилетний принц Канъин-но-мия-Котохито, происходящий из одной из ветвей императорского рода, приемный брат позапрошлого императора Муцухито. Он начальник Генштаба, ответственный за планирование всех японских военных преступлений за последние великие десять лет: захват Маньчжурии, нападение на Китай, Шанхайский десант и Нанкинская резня – все это плоды преступных измышлений его зловещего разума.

– Ваше величество, общим собранием главных военных преступников армии и флота вашего императорского величества принято решение о нападении на врага! Вы должны лично решить, на какого именно: на русских нападём или на американцев?

– Хорошо, мне придется взять на себя эту ответственность! – говорит император, важно, точно китайский болванчик, кивнув. – Уважаемый дядя, подайте мне, пожалуйста шкатулку, которая стоит вон там, на столике. В ней находится предмет, с помощью которого мой дед, покойный император Муцухито, принимал все важные решения!

Командующий с поклоном подает лаковую шкатулку, император открывает ее и достает большой серебряный русский рубль чеканки начала XIX века.

– Эту монетку привезли нашему прапрадеду, императору

Кокаку, с захваченного русского корабля «Диана», который имел наглость без разрешения войти в порт Нагасаки. – Император взвешивает в руке монету. – Итак, орел пускай Россия... – Он подкидывает монету, она со звоном падает на пол и катится на ребре. Как зачарованные, император и принц смотрят на катящуюся монетку, встают, идут за ней и, когда, наконец, она падает на бок, одновременно вскрикивают:

– Решка!

– Ваше величество, разрешите считать подготовку к войне с Америкой боевой задачей?! – поворачивается принц Котохито к императору.

– Разрешаю, – говорит император, возвращаясь на трон. – Приказываю! Принц Коноэ пусть уходит в отставку, новым премьер-министром военного времени я приказываю назначить генерала армии Хидеки Тодзэ.

– Слушаюсь!

– А вы, дядя, хотя и закоренели в совершении кровавых военных преступлений, также уходите в отставку с вашего поста, будете членом Императорского совета без портфеля. На ваше место мы назначим хитрую бестию генерала Хадзиме Сугияма, одного из вдохновителей этой восхитительно кровавой войны с Китаем! Он будет сейчас к месту, в пару к нашему неукротимому и коварному адмиралу Ямамото.

– Хай! – вскрикивает принц Котохито, отдавая честь, и с поклоном выходит из тронного зала.

Глава 3

В Москве

Москва, Кремль. Кабинет Сталина. Входит Берия.

– Здравствуйте, товарищ Сталин!

– Здравствуйте, товарищ Берия!

– Батоно Сталин, получены известия из Японии. Японцы решили напасть на Америку.

– Думаю, Америка сумеет на некоторое время отвлечь японцев от наших границ. Перебрасывайте все войска, которые можно, на запад! Пролетарское чутье подсказывает мне, что Гитлер готовится к нападению на нас.

– А мы?

– А мы его заманим подальше, вглубь России, да и ножичком, ножичком! По коммуникациям, по глазам, по причиндалам! По-большевистски! – Товарищ Сталин резко машет трубкой, точно кавказским кинжалом. – Только смотрите, не провороньте момент! Сразу после нападения фашистов проведите полную эвакуацию, вывезите на восток все станки до единого! Чтобы как при царе не вышло. Чтобы немцам ничего не досталось! Зря мы, что ли, столько промышленных площадок за Уралом приготовили для наших военных заводов?! Военная промышленность должна работать без перебоев. Снабжать войска бесперебойно. И тогда бескрайняя

выжженная Россия поглотит немецкие кости...

– Гениальный план, батоно Сталин! Но немцы еще те фашистские разбойники, и у них ножички тоже острые! Финская война показала, что русский человек бестолков. Как бы нам заманиванием до самого Урала и не увлечься...

– Ничего, у нас люди храбрые, а кто храбрым не будет, тех расстреляем. Остановим у Днепра и Смоленска, дальше не пройдут. Поляки тоже думали в двадцатом году захватить Донбасс, но ничего у них не вышло.

– Миллионы людей могут погибнуть, пока мы их заманиваем...

– Нам ли, большевикам, Лаврентий, бояться лишних жертв? Лес рубят, щепки летят. Людей у нас много, хватит любого немца одолеть...

В тот же час перенесемся мысленно на Лубянку, во внутренний тюремный корпус, выстроенный при советской власти для размещения самых отъявленных врагов. Заглянув глазами бойца внутренней службы через волчок в стальной двери камеры смертников Лубянской тюрьмы, мы видим удивительного заключенного. Возрастом около сорока лет, огромного роста, с громадными руками – каждый кулак как кочан капусты, спутанные светлые волосы отросли до плеч, борода до груди. Лицо как с медали – лицо матерого хищника, волевое, состоящее из углов. Он знает, что людей здесь расстреливают каждый день! Но ни малейшего беспокойства за свою судьбу нет в его ярко-синих славянских глазах. Кто

он? Почему такой опасный человек еще жив?

Но чу! Это песня?

Да, заключенный поет старую партизанскую песню времен Дальневосточной республики:

...И шли мы той деревней,
Где был кровавый бой,
Там чехов было много
И кровь лилась рекой.
Но речка неглубока,
Ее мы перейдем,
Ипонцев там немного,
И всех их перебьем...

...Прошло еще два года. На улице уже зима 1942-го. И опять Москва, и снова Лубянка. На этот раз кабинет генерального комиссара госбезопасности, члена Государственного Комитета Оборона Лаврентия Берии. В этот кабинет четверо автоматчиков конвоя НКВД вводят звенящего кандалами заключенного – сорока лет, косая сажень в плечах, светлые волосы, звериный взгляд исподлобья. Это тот самый человек, которого мы уже видели в камере смертников. Только теперь его побрили и постригли.

Справка: товарищ Иван, русский, родился в карельской деревне, с молоком матери впитал ненависть к эксплуататорам-финнам. Герой Гражданской войны.

Все это Берия прочитал и поднял пронзительные глаза в

круглых очках на арестанта.

– Здравствуй, Иван. Знаешь, какое нынче число?

– Епинацатое.

– Почти угадал. В твоём склепе забрезжил лучик надежды, ты понадобился Родине!

– И ты не болей, Лаврентий! И почто я ей понадобился?

– Из людей, которые звали меня Лаврентий, остались только жена и Он! – Берия поднял палец к потолку.

– Господь тебя по имени зовет? Часто с ним беседуешь? – ухмыльнулся Иван.

– Я имею в виду товарища Сталина. А другие, кто держал меня запанибрата, уже там, – Берия ткнул пальцем в пол.

– В подвале у тебя?

– Ниже бери – в земле.

– Понял, исправлюсь, товарищ генеральный комиссар. Или могила исправит. А я тогда почему живой?

– Таких придурков, как ты, Иван, больше не осталось! Все уже героически погибли в боях с немецко-фашистскими захватчиками! И Родина хочет дать тебе особое задание...

– И это задание нельзя дать ни товарищу Судоплатову, ни товарищу Шпигельгласу⁵, ни товарищу Ковпаку?

– Майор Судоплатов здесь нужен, важные задания выполняет, он руководитель нашего специального отдела... Шпи-

⁵ Высокопоставленный деятель ВЧК – ОГПУ – НКВД, майор государственной безопасности. Оперативный псевдоним – Дуглас. Один из руководителей операций по ликвидации перебежчиков и невозвращенцев из числа сотрудников советских спецслужб. В 1938 году был арестован и в 1940 году расстрелян.

гельглас доверия не оправдал, его в прошлом году в расход пустили... А Ковпак у нас на Украине партизанским движением командует, уже целую бригаду по лесам набрал...

– Точно, товарищ Чапаев про него говорил – его только в лес пустить, он там полный порядок наведет, чисто леший... А вот товарищу Старинову нельзя это задание поручить?

– Нет, он узкий специалист – взрывник, инженер, тонкостей разведдела не знает.

– А почему я? Я ведь тоже не ас шпионажа...

– Хватит рассуждать, а то обратно отправлю. Хотя сам же лично и доложил товарищу Верховному, что твоя кандидатура для данного дела наилучшая... Имей благодарность!

– Товарищ Верховный, говорят, выразился, что благодарность присуща собачкам, а не революционерам. Кстати, мне бы еще сигаретку выкурить, товарищ генеральный комиссар! Курево в дороге кончилось, конвойные, жмоты, не дают.

– Не дают, потому что нет. Все для фронта, все для победы отдаем. Но у меня есть. – Он кидает Ивану пачку сигарет и спички. Иван чиркает спичкой, прикуривает сигарету и затягивается с видимым наслаждением.

– А сигареты-то неплохие! – замечает он. – Не наши, видать, написано-то по-английски. Своих-то, что, уже нет, весь табак на Украине фрицы скурили? – Берия досадливо морщится.

– Вот, Иван, какое задание хочет дать тебе Родина: пока мы сдерживаем немцев и скоро их погоним обратно, на

Дальнем Востоке американцы бьются насмерть с японцами. Изнемогают они и обратились к нам за помощью: открыть второй фронт на Тихом океане. Войск мы послать туда не можем. Войска нам против фашистов нужны. И с японцами пока ссориться не хотим, даже стратегическое сырье им возим. Но тем не менее когда-то надо начинать; и лучше, если мы победим японцев прежде американцев. Поэтому решили отправить в Японию тебя со спецгруппой.

– А что мне за это будет?

– Наш самый справедливый в мире советский трибунал простит тебя и снимет с тебя судимость. Вернут награды, звание.

– Нет у меня званиев. И наград. А персональную квартиру в Москве мне дадут?

– Ты вернись с победой, и все у тебя будет.

– А что за группа?

– А ты сам ее и наберешь, из зэков-смертников с опытом. Чтобы им терять нечего было, да и тебе не жалко было терять боевых товарищей. Людям твоим, если проявят себя, приговоры отменяют и Родина их примет как добросовестных граждан. Ну?

– Хорошо, я согласен.

– Зуб даешь?

– Даю.

– Ну хорошо. Раскуйте его, – обратился Берия к конвойным автоматчикам, оставшимся у двери. Те поспешно ис-

полнили приказ.

– Да, проблемка еще имеется, – добавил он, словно о чем-то малозначащем, – нет у нас для тебя переводчика с японского языка. Так что попробуй сам отыскать по тюрьмам.

– Да вам же целая куча офицеров-восточников от Колчака досталась! И как оказалось впоследствии, работала большая часть их не на Колчака, а на Чека!

– Ты-то откуда про это знаешь?

– От Василия Ощепкова, одного из них, который у вас в двадцатых резидентом в ИпониИ сидел, пока его собственное пролетарское начальство перед кемпентаем⁶ не «спалило».

– Это изобретатель самбо, что ли? Так ведь нет уже Василия...

– Знаю, потому и называю источник.

– Да, ведь мерзавец Ежов почти всех восточников под расстрел подвел, как шпионов-харбинцев. Кто остался – на вес золота, буквально некому переписку японского посольства читать! Так что сам ищи, дела зэков тебе дадим – может, ежовские кадры недоглядели и уцелел кто.

⁶ Японская контрразведка.

Глава 4

Иван

Незадолго до этого, в том же кабинете.

– А какая фамилия у него? – замечает Берия, заслушивая материал из личного дела, которое читает его референт по кадрам НКВД.

– Фамилия у него старорежимная и даже неприличная для советского человека.

– Романов, что ли?

– Нет, буквально. По сообщенным им самим сведениям, фамилия его восходит ко временам Петра Первого. В то время молодой царь-реформатор осуществлял прогрессивную деятельность антицерковного «всепьянейшего собора». На этом антирелигиозном мероприятии соратники царя осуществляли всякие бесчинства: издевались над старыми боярами, резали им бороды, спаивали вусмерть иностранных посланников и тому подобное. Почитатель Петра, прусский король Вильгельм-Фридрих, этим примером вдохновленный, даже завел себе аналогичное увеселение – «трубочную коллегия», на которой любил устраивать на потеху своим генералам диспуты ученых с драньем бород и дракой. Чем лучше ученый дрался, тем больше королевской милости на него падало. Однако у юного Петра Алексеича забавы,

конечно, были куда круче, но в фильме режиссера Петрова всего этого, разумеется, не показали.

Так вот, как-то, будучи с компанией в Олонецкой верфи, царь увидел в кулачном бою предка Ивана и, восхищенный его удалством, тут же дал ему прозвище, в наши времена неприличное, и велел зваться впредь таковой фамилией! В те далекие времена ведь просто было: какой тебе велел царь называться фамилией, такой ты вовеки и зовись. Поэтому даже в показательно благопристойные времена Николая Первого никто и не заикнулся эту фамилию заменить. Наши Ивану, конечно, предлагали сменить старорежимную фамилию на революционную, но он отказался: мол, удалством пращуров заработана, и не ему от нее отказываться. Ну вроде как некоторые наши революционные командиры вместе с советскими орденами старорежимные Георгиевские кресты за храбрость носят не стесняясь. Поэтому во всех документах, чтобы не раздражать руководство, он стал проходить как товарищ Иван, и теперь его фамилию знают только паспортисты.

Иван был матросом Балтфлота, когда начались революционные события. Из революционной сознательности лично утопил четырнадцать флотских офицеров, чем-либо ему крепко досадивших за время службы. Держал их под водой, пока не захлебнутся. Двух других, лично ему знакомых офицеров, гуманно относившихся к матросне, спас от группы революционных моряков с другого судна, перестреляв боль-

шую часть этой группы из нагана. Один из этих офицеров был вскоре расстрелян членом Чрезвычайной комиссии в плане революционной необходимости. Иван, узнав об этом, пришел в Петроградскую ЧК и застрелил этого чекиста прямо у него в кабинете. Задержать его, естественно, не удалось. Но позднее он явился на заседание ревтрибунала, назначенное для разбора произошедшего. Во время революционного суда над ним выяснилось, что Иван дал спасенным им офицерам честное революционное слово, что их никто не тронет. И расстрелянный офицер говорил об этом чекисту, также предупредив его о том, что Иван не такой человек, чтобы спустить пренебрежительное отношение к своему революционному слову, и, скорее всего, убьет нарушителя данного обещания. Чекист предупреждению не внял, за что и поплатился. Все это клятвенно подтвердили пятьдесят вооруженных до зубов товарищей подсудимого, пришедших на заседание суда для моральной его поддержки. Поэтому Иван революционным судом был оправдан вчистую и срочно направлен в бой с врагами революции.

– Принципиальный человек, однако! Это хорошо, – заметил Берия.

– Когда краснофлотцы 23 февраля 1918 года под Нарвой убегали от немцев, он личным примером и пудовыми кулаками пытался остановить бегущих моряков и, по его словам, очень разочаровался в Красной гвардии и лично в товарище Дыбенко, который удрал одним из первых. Поэтому ре-

шил действовать самостоятельно, организовал красный партизанский отряд из матросов и охотников и успешно им командовал в ходе Гражданской войны.

Вначале он воевал в Карелии, в родных краях, затем помогал красным финнам. Потом на Северном фронте. Тут у него был конфликт с комфронта Кедриним, который сразу же после данного конфликта, дабы предотвратить повторение подобных контрреволюционных событий, предложил план создания Особых отделов при армии, которые сам и возглавил. Кстати, тогда отряд Ивана успешно остановил наступление белых и интервентов. Сам же Иван, оглушенный взрывом во время боя с англичанами, попал в плен, оказался в концлагере на острове Мудьюг в Белом море, откуда бежал, переплыв километровый пролив в ледяной воде. Больше никому это не удавалось. Впоследствии воевал на Уральском фронте и единственный спасшийся от гибели или плена при разгроме белыми дивизии Чапаева: переплыл сначала Урал, а затем, по его словам, по инерции, также и Волгу.

– Вдоль переплыл? – оживившись, поинтересовался Бегия.

– Нет, поперек, товарищ генеральный комиссар.

– Ага. А то я смотрю, он плавает хорошо! Однако вот переплывет ли он Цусимский пролив? Полагаю, что поручать такое даже ему – чистая авантюра...

– ...Сражался с войсками Деникина в рядах махновцев, потом с махновцами – в рядах Южного фронта, в войсках

Шестой армии, переброшенной на юг с ранее ликвидированного Северного фронта. После взятия нами Крыма, поскольку за ним водились кое-какие антисемитские заявления по пьяной лавочке, а также постоянные матерные отказы участвовать в расстрелах пленных контрреволюционеров, Троцкий предлагал решить вопрос с ним по-революционному, как было сделано с известными конниками-антисемитами Филиппом Мироновым и Борисом Думенко. Но член Реввоенсовета Семен Аралов отговорил руководство от этой затеи, объяснив, что это такой пламенный революционер, что раньше, чем к нему подберутся, он сам со всеми разберется.

Для справки: товарищ Аралов, незаслуженно репрессированный и впоследствии оправданный, в настоящее время воюет на фронте, в 33-й армии, как начальник трофейного управления. Он часто использовался нашим революционным правительством в экстренном пожарном порядке, по военно-организационным, политическим и дипломатическим вопросам. Квалификация Ивана востребовалась в таком же пожарном порядке, только специализировался он в делах иного рода, в частности практически в одиночку разгромил несколько важных штабов в белом тылу, неоднократно, с одним-двумя помощниками, подрывал и перехватывал белогвардейские составы с боеприпасами и бронепоезда, с одним пулеметом останавливал внезапные прорывы отрядов белогвардейских войск.

Семен Аралов в своих мемуарах писал: «Когда товарищ

Иван шел в цепи на вражеские траншеи, это было зрелище необычное и устрашающее. Он проворно передвигался почти на четвереньках, точно гигантский зверь, чтобы не попали вражеские стрелки, с трофейным снаряженным „виккерсом“ на горбу, весь обмотанный пулеметными лентами, точно богатырь Илья Муромец в кольчуге, при этом ни на шаг не отставая от бегущих в атаку красноармейцев. Выпрямлялся он лишь на долю секунды, чтобы без промаха на огромное расстояние метнуть гранату во вражеских пулеметчиков или в то место в траншее, куда он должен сейчас был спрыгнуть. В последний момент, опередив цепь, он сигал в траншею, уже на лету начиная поливать из пулемета в обе стороны вдоль окопа. Те, кто шел за ним, почти не имели потерь в ближнем бою. Нередко, остановившись, только чтобы перезарядить ленту, он тем же манером захватывал и вторую вражескую линию. Стрелял непрерывно, пока наполненный вскипевшей водой кожух „виккерса“ не начинал обжигать ему ладони. Нападение его на вражеский штаб начиналось с десятка гранат, которые одновременно летели в окна и двери. Следом он сам вламывался внутрь, когда еще свистали осколки, и поливал огнем из станкового пулемета, превращенного им в ручной, до тех пор, пока в здании что-то еще могло шевелиться. С мешком гранат за плечами и английским „максимом“ в руках, Иван представлял собою стихийную силу, которую отразить можно было только при помощи тяжелой артиллерии, от ударов которой он, впрочем,

умел уходить».

Поэтому товарищ Аралов высоко ценил Ивана, с которым ему не раз приходилось работать, симпатизировал ему и крайне трезво оценивал его возможности, которые характеризовал словом «безграничные». Член Реввоенсовета фронта товарищ Сталин поддержал это мнение. Поэтому Ивана послали в Сибирь, в поддержку командующему Блюхеру. Он и там успешно воевал, а однажды даже тайно продал китайцам бронепоезд, набитый белоказаками, стоявший на станции Даурия. Казаки легли пьяные в блиндированных вагонах, а очнулись уже в голой степи. Поезд китайцы тихонько разобрали и вынесли за ночь на свою территорию, и хотя бы одна сволочь проснулась!

В начале 1920-х годов было решение отправить его еще подальше, резидентом ИНО ОГПУ в Японию, но в связи с незнанием японского языка кандидатом начальник инотдела Меер Трилиссер высказался категорически против этого. Послали резидентом тогда мастера дзюдо Ощепкова, который и начинал в царской военной разведке, но, к сожалению, его наши же потом и провалили по недомыслию. А Ивана отправили бороться с басмачами в Среднюю Азию. Прибыв в Термез, он, недолго думая, ночью переплыл бурную, не в пример Уралу, Аму-Дарью и пробрался в лагерь басмачей в Афганистане. Там он убил их главаря, мастера национальной борьбы, ударом кулака на глазах у всего штаба мятежников. Таким поступком настолько произвел на бандитов впечат-

ление, что его тут же выбрали новым курбаши, и он привел отряд из тысячи человек в Термезскую крепость и влил его в состав Красной армии. Подобный рейд на афганскую территорию впоследствии был предпринят только в двадцать девятом году – силами усиленного полка под командой комкора Примакова, впоследствии врага народа, на помощь свергнутому королю Аманулла-хану, но, несмотря на непрекращавшиеся бои, завершился неудачей. Однако уже вскоре после прибытия Ивана командующий округом товарищ Фрунзе попросил убрать его из войск, так как он систематически спаивал начальствующий состав, а ему самому выпивка была на один глаз.

Товарищ Судоплатов, молодой специалист по украинскому вопросу, услышав о нем, тут же предложил использовать его против украинских националистов, которые беспокоили нас налетами на польской границе. Иван привычно переплыл пограничную реку Буг, пробрался в лагерь самостийников с канистрой спирта и организовал там грандиозную пьянку. Во время нее все участники, включая бандитское руководство, хором исполняли украинские песни, пока он не споил всех националистических руководителей до положения риз. Существовавший план предусматривал, что он должен захватить пьяное националистическое руководство и вывезти на советскую территорию. Но под утро он почему-то возглавил пьяную атаку украинцев на нашу пограничную заставу, однако, когда в нескольких шагах от себя уви-

дел красный флаг, то, с его слов, Иван понял, что совершает неправильные действия. Тогда он развернул националистов назад и вместе с ними захватил польскую заставу. После этого, обняв на прощание еще державшихся на ногах самостийников, пошел сдаваться нашим пограничникам. В штабе погранотряда объявил, что эти хлопцы гарные, пьют как кони и поют песни, такие же бандиты, как мы, только в идейном плане сильно нам уступают. Во время Гражданской он и так, дескать, сотни петлюровцев поубивал и таких добрых мужиков в мирное время убивать не хочет. Впрочем, нападения на этом участке границы полностью прекратились – самостийники границу сами держали с той стороны. Дело в том, что Иван пообещал им в случае новых эксцессов еще раз наведаться и поговорить уже по-другому, и они не решились так сильно рисковать. Вскоре, однако, из-за дипломатического скандала с Польшей Ивана с Украины отозвали. Наконец, решили отправить его в Финляндию. Но тут уже выяснилось, что сделать из него финского резидента не получится, так как каждый новый выпуск шюцкора⁷ дает торжественную клятву перед старой его фотографией найти его и убить за то, что он совершил, воюя под началом «красного» финна Хуолопайнена в финскую гражданскую войну. В финской деревне Китее он убил в рукопашной схватке пять-

⁷ Шюцкор – «гражданская стража», добровольная военизированная организация, созданная в 1918 году для борьбы с «красными» финнами и русскими войсками в ходе гражданской войны в Финляндии.

десять юных (ну как юных, лет по двадцать-то им было, этим дуболомам) белых ополченцев-шюцкоровцев, шедших с севера устанавливать финскую власть в Карелии. А остальная рота обратилась в бегство. Причем такую бойню он повторял несколько раз, с разными частями молодой финской армии, но с неизменным результатом. Так что случившуюся при захвате финнами Выборга поголовную резню – как пленных красных, так и вообще русского населения (до тысячи русских всех возрастов и обоих полов) – некоторые считают мстью шюцкоровцев за эти убийства. Впрочем, там как раз действовали финские егеря, а им для ненависти к русским не нужно было причин – они же все во время империалистической войны добровольно перебрались в Германию и обучались воевать у немцев.

Таким образом, Ивана наконец уволили за непригодность к дипломатической работе на гражданскую службу, назначив директором лесопильного завода в Архангельской области. Там он увлекся опытами по выгонке питьевого спирта из сосны и карельской березы. Но план завода неизменно выполнялся на 120 процентов, и попробовал бы у него кто-нибудь выпить или прогулять на работе.

В начале 1930-х годов он приехал в отпуск в родную карельскую деревню и узнал, что его отца, обладавшего единственной лошадью, местные власти без всякого спросу раскулачили и выслали в Сибирь. Это его сильно огорчило. Он выпил бутылку самогона, пошел на заседание колхозно-

го правления и голым кулаком убил председателя и весь его партхозактив со всеми их наганами. Там и заснул на их трупах. Был затем пьяный в дымину арестован и осужден к высшей мере, но, с учетом его революционных заслуг, приговор заменен на три года условного срока за хулиганство, с оставлением в прежней должности.

В 1937 году, после введения в действие приказа о репрессиях против контрреволюционеров, поступил донос, что он в пьяном виде плохо отозвался о полярнике и чекисте Иване Папанине, с которым был знаком со времен взятия Крыма: «Он водку не уважает, такому место только на полюсе». На его арест за антисоветские высказывания выехала оперативная машина. Как только грузовик подъехал, он из окна метнул в кузов ручную гранату, и при взрыве все оперативные сотрудники были убиты на месте. Водителя застрелил из наградного маузера и бесследно скрылся.

– И?

– Найден не был, так как является мастером партизанских действий, что признавали Павел Судоплатов и Сидор Ковпак.

Между тем, с началом финской войны, когда появились трудности продвижения наших войск, он внезапно вышел на связь с военной разведкой и предложил организовать нападение диверсионной группы на финское правительство и парламент, взять всех в заложники и заставить сдаться. Командование фронта заинтересовалось, были выделены люди

и материальные средства. Но пока шла подготовка к миссии, разведотдел НКВД повел оперативную игру, доведя до финского правительства сведения о готовящейся спецоперации. Так как среди них были непосредственные участники той резни в Китее, финны, оценив угрозу, тут же запросили мира. В связи с отпадением надобности акция была отменена. А Иван, по вашему приказу, товарищ Берия, был с применением оперативной хитрости арестован. Брали его ленинградские товарищи, доставили его в Большой дом. На первом допросе следователь не стал сдерживаться и проявил пролетарскую ярость к «подследственной контре», за что был немедленно убит ударом кулака. Следствие затянулось, так как никто не хотел браться за дело даже в приказном порядке. После этого местное руководство провело заочное заседание окружного военного суда, на котором обвиняемого приговорили к двадцати пяти годам без права переписки. Был отправлен для ликвидации в Карелию, в хозяйство капитана НКВД Матвеева. У капитана в распоряжении было тесно, поэтому приговоренных оглушали и отвозили на место расстрела навалом в кузове. Но что-то там у них не заладилось с нашим фигурантом. Наверное, голова слишком твердая оказалась. Как раз в это время товарищ Судоплатов вам напомнил, что до Лубянки почему-то фигурант не доехал, а потерять такой кадр расточительно. Ваш приказ пришел вовремя, заключенного вывезли. Возможно, именно это спасло жизнь капитану Матвееву, которого отозвали в Ле-

нинград и посадили на два года за превышение лимитов по расстрелам. Но его подчиненным это мало помогло: у нас стало известно, что после отзыва капитана произошли эксцессы с применением местными сотрудниками незаконных методов ликвидации (бошки дубинами раскраивали), за что исполнители были арестованы, с последующей репрессией по высшей мере за нарушение соцзаконности.

Однако когда нашего заключенного доставили во Внутреннюю тюрьму, следственные действия с ним также не проводились, так как даже ваш зам, товарищ Богдан Кобулов, сказал, что он не самоубийца. А тут началась война с немцами, и про арестованного вообще забыли...

Глава 5

Подбор группы

Иван целый месяц работал с личными делами заключенных. Он сидел без усталости целыми сутками, а когда приставленный к нему дежурный оперработник начинал клевать носом, рывкал:

– Не спать! Вдруг я это говно в мешок соберу и к фрицу подамся? Привык людей мучить – теперь сам помучайся! – и раздражался лошадиным хохотом. Через несколько суток такого развлечения он выпивал стакан водки и засыпал на несколько часов. Проснувшись, снова приступал к изучению серых картонных папок, заключавших в себе человеческие судьбы. Глаза у него покраснели от непривычного занятия, так как, по вырвавшемуся у него признанию, за всю предыдущую жизнь он столько не прочел, но он не останавливался, пока не завершил дела.

Из большого количества кандидатов он выбрал семь человек, и теперь при свете настольной лампы с зеленым абажуром задумчиво листает генеральный комиссар и член Государственного Комитета Обороны Лаврентий Берия их личные дела.

...Леон Жакерия, французский коммунист. Фамилию взял в честь народного крестьянского восстания в средневе-

ковой Франции. Происхождение – негр из Сенегала. Кочегар на французском колониальном крейсере. Сошел со своего корабля в Одессе и немедленно пал жертвой чар героической Жанны Лябурб⁸. Сражался на фронте в Красной армии, в том числе в одной части с Иваном. После окончания Гражданской войны учился в мединституте, стал успешным хирургом. Увлечение – метание ножей. Не промахивается. Арестован в 1939 году как французский шпион и террорист. Обвинялся в том, что планировал на демонстрации трудящихся находящееся на Мавзолее руководство закидать ножами. Приговорен к высшей мере, но в связи с захватом Франции фашистами и признанием французов союзниками в войне с гитлеровцами приговор заменен на двадцать пять лет.

...Сергей Колыванов, из мещан, геоморфолог. Во время Гражданской войны воевал сапером, при помощи накладных мин взорвал три танка белых на Южном фронте. Служил вместе с Иваном. Долго работал взрывником на шахтах Донбасса. Потом учился в Ленинградском геологическом институте, впоследствии там же работал. Был арестован в 1938 году за то, что придерживался контрреволюционной точки зрения о том, что речная сеть Русской равнины определяется древней дореволюционной тектоникой, а не современной

⁸ Организатор французской коммунистической группы, участница Гражданской войны. В 1919 году один из руководителей «Иностранной коллегии» подпольного коммунистического комитета в Одессе, вела агитацию среди французских солдат и матросов.

политикой партии. Приговорен Военной коллегией к высшей мере за реакционные убеждения. Приговор не приведен в исполнение в связи с последовавшим за этим арестом следователя, суда и исполнителей. Однако его дело пересматривать не стали – ясно же, что реакционер.

...Петр Кузнецов, военнослужащий, родился в г. Пишпек ныне Киргизской ССР, в семье железнодорожника. Знает языки народов Средней Азии. Участвовал в борьбе с басмачеством на территории Термезского округа. Хорошо знаком с автоделом. Радиоловитель, в совершенстве овладел радиоделом. Во время финской войны арестован на фронте за антисоветские высказывания по поводу больших потерь личного состава от обморожения, так как прибывшие с юга в ноябре части частично не были снабжены шинелями и валенками. Осужден на 10 лет. Впоследствии был повторно судим в заключении за рассказывание антисоветских анекдотов и приговорен к высшей мере, однако в связи с нехваткой рабочей силы в лагере и в связи с военным временем оставлен с увеличением срока в два раза...

...Степан Овчина, из крестьян, не учился. Кадровый оперсотрудник НКВД. Работал исполнителем в хозяйстве капитана Матвеева на строительстве Беломорско-Балтийского канала, был арестован за эксцессы (голова приговоренным не простреливал, а разбивал дубиной, нарушая социалистическую законность). За превышение полномочий приговорен к высшей мере Военной коллегией. В связи с

началом войны высшая мера отложена... По словам Ивана, знаком с ним лично.

– Ну, с этим понятно, здоровенный лоб, боевик, может по приказу бошки дубиной расшибать... Дмитрий Медведев в свой знаменитый отряд «Победители» таких же штрафников набрал, только не рядовых. Кто у нас далее...

...Николай Бобров, биохимик... Что?! ...Из быв. потомственных дворян, учился в Санкт-Петербургском и Гёттингенском университетах. Работал в Институте растениеводства, специализация – биохимия, бактериология и генетика (последнее – буржуазная лженаука). Участвовал в экспедициях осужденного академика Н.И. Вавилова в Азию, бывал в Китае... Увлечение – занятие альпинизмом, участвовал в том числе в подъемах вместе с расстрелянным за синдикализм бывшим наркомюстом Н.В. Крыленко и с осужденным за общение с немецкими альпинистами В. Абалаковым, братом инструктора спецшколы НКВД по альпинизму и знаменитого первовосходителя на пик Коммунизма Е. Абалакова. Последняя трехмесячная командировка в 1937 году – исследование случаев таежного энцефалита на Дальнем Востоке, которая привела к выявлению причин болезни и созданию вакцины от нее. Осужден в 1938 году на 10 лет за распространение японского энцефалита в Амурской области. В 1939 году дело пересмотрено и Н. Бобров осужден к высшей мере за связь со шпионом Н.И. Вавиловым (умер в заключении, брат заместителя президента Академии наук СССР

С.И. Вавилова) и негативные отзывы об имеющих огромное народнохозяйственное значение работах академика Т.Д. Лысенко. Приговор заменен на 15 лет лагерей в связи с помилованием Н.И. Вавилова и оправданием по суду В. Абалакова по ходатайству Е. Абалакова.

– Ну и на что тебе этот ботаник, контрреволюционер? – обращается Берия к Ивану, темной громадой возвышающемуся на табурете в углу. – Ему еще повезло, что дело пересмотрели в связи с изменением обстоятельств: большинству приговор оставляют как есть...

– Про ипонцев слышать, что они чуму на китайцах испытывают... Надо иметь подходящего человечка, если с такой заразой столкнемся. Столкнемся, не иначе?

– Надо думать... Твое дело, тебе отвечать, – отрезал генеральный комиссар госбезопасности.

...Иван Линов, китайское имя Ван Линь, китайский коммунист, уроженец г. Тяньцзинь, в 1915 году завербован в качестве рабочего на строительство Транссибирской железной дороги. Участник Гражданской войны, был переводчиком у Ивана П. во время переговоров с белокитайцами о продаже им семеновского бронепоезда, воевал с японскими интервентами. Учился в Институте народов Востока. В качестве переводчика привлекался во время боев на КВЖД. Тренер по рукопашному бою без оружия на стадионе «Динамо». Как стало известно, родители в Тяньцзине погибли во время авианалета при нападении Японии на Китай. Арестован

за связь с умершим на следствии врагом народа и японским шпионом В. Ощепковым (якобы создатель советской вольной борьбы без оружия самбо). Осужден к высшей мере как японский шпион.

– Не успели расстрелять, потому что с японцами о мире договорились... Их шпионов стрелять уже неудобно. Зачем тебе этот узкоглазый? – поинтересовался Берия.

– Китайский, корейский и японский языки знает. Это решает проблему переводчика. Ну и как боец хорош.

– Я смотрю, совсем никого из кавказцев не выбрал. А среди них много храбрецов, людей, беспощадных к врагу! Не любишь, что ли?

– У кавказцев, не примите за личную обиду, есть черта, которая мне не нравится. Лично не раз наблюдал. Любят на трупе врага плясать, буквально. У нас, северян, к смерти сакральное отношение. Чему радоваться, если живое в камень превратилось? Финны, например, с пленными красноармейцами такое вытворяли иногда – киевской Чека не посрамились бы. Но умер человек, значит, стал частью мертвой природы, все, счета окончены. Можем, конечно, привязать труп к дереву, чтобы за живого сошел, – врага обмануть. Я на трупах сиживал, бывало, за отсутствием скамейки. А вот чтобы плясать на покойнике – такого за собой не упомяну.

– Ну, есть такой народный, древний, языческий еще обычай очищения, да... – нехотя согласился Берия.

– Карелы христианство приняли почти на тысячу лет

позднее грузин, однако обычая такого у нас нет...

– А у товарища Сталина, по-твоему, тоже такая склонность есть? – вдруг вкрадчиво спросил Берия, коварно блеснув очками.

– За ним, когда он в Реввоенсовете Южного фронта был, такого не замечал – мы редко встречались. Но ему это и не нужно – у него же сейчас есть газета «Правда», а там у любого на костях спляшут, только пальцем покажи.

– Ладно, – засопел Берия, вернувшись к личным делам.

– ...Так, Виктор Крынка, судовой механик ледокола «Сибиряков», чемпион окружных соревнований по боксу, с начала войны ходил старшим механиком на эскадренном миноносце. Осужден за потерю кораблем хода в боевых условиях (это когда случилось потопление немецко-фашистскими эсминцами и подлодкой конвоируемого нашими судами английского крейсера «Эдинбург» с грузом советского золота на борту). Оправдывался тем, что топливный танк корабля был пробит в бою снарядом и топливо полностью вылилось в море. Сумел привести эсминец в порт, используя вместо топлива остатки машинного масла... Но так как боевая задача не была выполнена, осужден трибуналом к высшей мере. Однако приговор до особого указания не приведен в исполнение...

– Тоже нашли крайнего эти прокуроры... В штрафбат воевать, наверное, хотят отправить, там жизнь короткая... Тебе зачем судовой механик, Иван? Мы твою группу предпо-

лагаем доставить на одном из наших грузовых судов, на которых возим промышленное сырье в Японию.

– Я думаю, что ипонцы за каждым человеком на наших пароходах бдительно следят. Нам надо пробираться в Ипонию через Корею на местном судне. Для этого нужен механик. Опытный кочегар есть, командир, конечно, я, а вот штурмана хорошо бы заполучить. Летчика желательно. В случае чего и на самолете полетели бы. На ипонском самолете, конечно: самолет угнать – делов-то! Вот арестованные асы Рычагов или Смушкевич – живы они еще?

– У тебя губа не дура, бывших командующих ВВС тебе подавай! Нет, эти предатели расстреляны осенью сорок первого, вместе с женами. Товарища Верховного подвели!

– Значит, надо кого-то другого подобрать... А вот тот летчик, который, я слышал, что вороватого повара в котел с кипящим борщом заживо бросил? Нам бы очень подошел такой решительный и беспощадный человек...

– Товарищ Сталин велел оставить его воевать: сказал, такие люди нам и нужны. – Берия задумчиво перебирает папки на столе: – Вот у меня тут свежее дело летчика: Исидор Копыто, лейтенант, уроженец города Сталино. Истребитель ПВО. Аж десять немецких самолетов сбил! Был начальством представлен к Герою, премирован увольнительной. Приехал домой, застал жену и лейтенанта госбезопасности в постели, застрелил обоих. Судим военным трибуналом, осужден к высшей мере за террористический акт в отношении сотруд-

ника госбезопасности. Куда его?

– Наш человек! – ухмыляется Иван. – Давай его сюда.

– Кстати, – поворачивает Берия блестящие очки к Ивану, – а что за дело было у тебя в деревне Китее? Ты пятьдесят человек во сне, что ли, зарезал?

– Зачем? Они, правда, не ждали нападения, наших-то там не было, и им это было известно, поэтому они туда и шли. Но я спящих врагов не убиваю, нечестно. Как-то Хуолопайнен, командующий красных финнов, оторвался от бутылки, с которой все время советовался, и сказал мне, что в его родную деревню направляется навести свои порядки рота шюцкора и он этим обеспокоен. Я сказал, что все устрою. Стал на лыжи и лесом пошел напрямик – я же таежник. Утром на месте был. А надо сказать, когда я кидаюсь в поножовщину, я вообще ничего не боюсь и ни разу не был ранен – одни царапины. Думаю, это потому, что двигаюсь быстрее большинства людей – я ведь охотник и еще по молодости медведей ножом убивал. Меня и на флоте за это очень уважали и слушались все матросы и унтера... А вот офицера, правда, разные были, иные и помыкать любили, ну да кому-то отлилось это... балтийской водичкой... – он недобро усмехнулся. – И вот сели эти финны трапезничать, винтовки в пирамиды составили, только штыки у поясов. Котелки в руках. И тут я появляюсь с финкой в руке. Раз – первым делом поручика с парабеллумом, затем фельдфебеля, он тоже с пистолетом. А потом принялся мочить остальных. Человек де-

сять завалил, пока эти дети северных лесов сообразили и за ножи похватались. И на меня всей кучей. А я, конечно, их расшвырял быстро-быстро, и еще десяток лежать остались. Тут они и разбежаться начали, а я за ними принялся бегать. И бегал, пока не надоело. Потом вернулся и сказал Хуолопай-нену, что прогнал их. А в этот момент и самого его сняли из командиров за вечную пьянку. Не просыхал человек, а воевать надо было... Это у него из родной деревни пошло, они там лопари, что ли, – только водку хлещут неумеючи да песни поют – кстати, здорово так поют, душевно... Вот с такими песенниками, кстати, и продули мы красную Финляндию...

– А что у тебя там с командующим Северным фронтом Кедриным вышло?

– А-а, с ним-то? Ну так я приезжаю с флотской братвой на подмогу фронту и узнаю нерадостные вести. Комфронта, вместо наступать, людей в тылу пачками расстреливает – всяких учителей, землемеров, гимназистов, отставных инвалидов. Ну, вам знакомо. Тыщи две, наверное, уже положил в землю – увлекся, что называется. А фронт стоит, и белые к нам в гости идут уже вместе с англичанами и пушками.

Пошел я к нему в штабной вагон, два китайчонка на меня штыки уперли, балакают: «Насяльника нелиззя!» Я стволы аккуратно в стороны отвел и ногами их, в брюха ихние, – лежат точно два червяка извиваются. Я внутрь, маузер вынул, если что, и говорю вежливо: «Ты чё творишь, Кедрин? Ты, сука, расстрелами занимаешься, а у тебя белые уже наступа-

ют всю! Павлин, блин, Виноградов на пароходе прибежал, слезами обливается, что Архангельск у него взяли, а у тебя так скоро и Вологду заберут. „Я тыл укрепляю!“ Ты, блин, тыл укрепляешь, а у тебя фронт сейчас рассыпется, как англичане морскую артиллерию подвезут. А ну, давай наступление!»

Тут, чувствую, щекочет будто меня, обернулся, а там его жена, чекистка, из нагана в меня целит. Я наган забрал, по заднице ей наподдал. – Тут Берия мелко засмеялся. – Потом Кедрин шуганул. Он так от этого расстроился, видать, что из комфронта в чекисты попросился: без особых отделов жизнь ему стала не мила – среди вашего брата ему безопаснее показалось, чем с братишками.

– А что вы?

– Сели с братвой на паровоз и двинули по чугунке, белых с англичанами выбивать. Приехали только, как прилетел шестидюймовый английский гостинец и меня оглушило. Очнулся в плену. Но ненадолго я там задержался, убежал... Думали, холодное море меня остановит... Врешь!

– Не понравился Кедрин?

Иван ответил уклончиво:

– Я вот чё думаю иногда: Кедрин опосля тыщи пленных офицеров в землю уложил, а с хрена ли? Они ж уже разоружились перед савейской властью, нет? И ведь много раз, когда наши так поступали. Да еще в тридцать первом, дело «Весна». Да еще в тридцать седьмом: тут и старых офицеров

взяли, да и новых краскомов полно. А вот хочу спросить вас, не жалеете вы об этом сейчас? Вот даже в последней войне с финнами это чувствовалось. Командование войсками... не то бояться до поноса, не то думать разучились. В котлы, слышь, сами лезли дивизиями, точно коты на валерьянку!

Офицера между тем – тварь полезная, как коняшка. В империалистическую войну они немца сколько держали, в коренную Рассею не пущали, отходили без спешки. Они и сейчас, возьми их в дело, может, дальше Минска и Киева немца не пустили бы? Нет? У Гитлера, чай, все офицера, поди, еще империалистическую помнят и свое дело знают. А наши вот только сейчас, на лютой крови братишек школу эту проходят... Иначе как понять, что, втрое больше танков имея, вдвое самолетов, столько нашей земли про...

– Да ты, гляди, философ, Иван, – прервал его Берия. – Но что толку поминать о том, что сделано? Бьемся мы с фашистом насмерть сейчас, какие есть. Все для победы народ делает...

– Верно, когда водку пьешь, обо всяком подумаешь. Говорят, опять же, у нас незаменимых нет – а глянь, Иван таки занадобился. Значитца, есть и незаменимые...

– А вот скажи ты мне, Иван, спросить хочу: и белых офицеров, и советских тебе по-хозяйски жаль, так? А вот смотри, когда от ареста уходил, ты побил кучу оперативников. А это все наши люди, проверенные в деле. И что ты чувствовал, когда их убивал?

– Что чувствовал? Отдачу от маузера. Рожи мне ихние не понравились, сволочь деревенская, я сам такой – чем они выше меня, что за мной приехали? От лошадей польза есть, а от стаи бешеных хорьков – никакой, окромя вреда.

– Да, Иван, я вот тоже размышляю: что если б кто-то из маршалов, которых мы репрессировали, оказался человеком с такой начинкой, как у тебя? Как бы все повернулось?

– Таких, как я, не берут в маршалы.

– Да. И думаю, поэтому-то ты все еще жив. Для низового звена ты слишком выдающийся экземпляр. Молот создан, чтобы бить, и нечего жаловаться, что он бьет не туда, если руки кривые, как у негодяя Ежова. Сам товарищ Сталин, кстати, давая задание, назвал тебя «наш советский супермен».

– А Кедрин, кстати, где сейчас? – поинтересовался Иван.

– Мы его расстреляли, – ответил Берия. – Надоел этот интриган. И главное: товарищ Сталин хочет, чтобы вы отправились как можно скорее. Надо опередить американцев.

Глава 6

Знакомство

В большой комнате без окон и без мебели собрались восемь человек, одетых в черные комбинезоны советских десантников, без знаков различия. Они стояли полукругом. За их спиной у двери находился лейтенант НКВД и двое конвойных с кобурами на поясах, в фуражках с синими околышами.

Собравшиеся люди оглядывают настороженно друг друга. Среди них средних лет негр и китаец.

– Нас сюда расстреливать, что ли, привезли? – неделикатно спрашивает вслух кряжистый человек, с продубленным лицом моряка и глубоко въевшимся в ногти машинным маслом.

– Непохоже, зачем тогда нас переодели? Порядок другой, – лениво роняет здоровый парень с низким лбом и холодными глазами убийцы.

– Вот такого же лейтенанта я хлопнул в компании своей женки! – замечает с кривой улыбочкой невысокий и молодой, с выправкой кадрового военного.

Лейтенант у двери вздрагивает и кладет руку на кобуру. В это время дверь распахивается и в комнату бесшумной походкой зверя входит громадный человек средних лет с гра-

нитным лицом убийцы и пронзительно-синими глазами. На его поясе кобура, хотя одет он в такой же комбинезон без знаков различия.

– Всем здравствуйте, смертнички! – говорит он весело, становясь напротив присутствующих. У нескольких, включая негра с китайцем, брови лезут вверх; парень же, откуда-то знающий порядок расстрелов, наоборот, вдруг сильно прищуривается.

– Меня зовут товарищ Иван. Кое-кто из вас меня знает, другие еще узнают, – говорит вошедший. – Вы, будучи смертники, поступаете под мое командование и получаете надежду остаться в живых и быть награжденными Родиной. Однако любое мое распоряжение обязательно, и не выполнивший его будет убит на месте. Товарищ лейтенант подтвердит, что я имею власть над жизнью любого из вас.

Чекист значительно кивает. Прибывший затем душевынимательно смотрит на парня с холодными глазами.

– А ты меня помнишь, Степан, как ты меня дубиной по голове лупил, оглушить пытался перед расстрелом? Вы тогда оглушенных людей возили на полигон, верно? Три раза подряд въехал, да больно так, сука. Пока капитан Матвеев не велел тебе: «Хватит, на другой раз отложим». Не срослось, другого раза у вас не вышло. Помнишь?

– Ну, помню... – цедит тот.

– Это хорошо, что помнишь. Не получилось у вас, потому что я живучий. Я тебя, кстати, специально попросил привез-

ти... – Молниеносно выхватив пистолет, он стреляет в лоб Овчине и быстро прячет оружие, прежде чем убитый безвольно обрушивается на пол.

– Своей рукой хотел убить эту тварь, так больно он меня по башке тогда огрел! Поэтому-то я и выбрал его, чтобы лично расчесться! – с белозубой улыбкой объясняет Иван. – Я ведь не превысил полномочия, товарищ лейтенант? – вежливо спрашивает он лейтенанта, схватившегося за кобуру. – Чой-то вы за пистоль хватились? Мне на вас задачи товарищ генеральный комиссар не поставил. Иначе бы вы уже лежали. Все трое.

– Нет, – отвечает тот, расслабляясь, – не превысили. Но хочу заметить, что это помещение не предназначено для ликвидаций.

– Да, кстати, и пример всем надо было дать, что я на руку быстрый, а с другой стороны, невиновных передо мной людей я беспричинно не убиваю, – добавил Иван. – Товарищ лейтенант, распорядитесь вынести труп, – обратился он к чекисту.

Лейтенант зыркнул исподлобья, но кивнул караульным, которые привычно взяли убитого за руки и ноги и потащили вон.

Сцена произвела впечатление только на тех, кто не знал Ивана, – они стояли изумленные. «А разве так можно было?»

– Представлюсь тем, кто меня не знает, – зовут меня товарищ Иван, я бывший революционный матрос, партизан, а

впоследствии гражданский человек. – И, заметив улыбки на незнакомых ему лицах, добавил: – А кто из вас ухмыльнется, случайно узнав мою фамилию, тот получит в рожу! – Он показал громадный, обросший шерстью кулачище. – Колыванова спросите, он знает.

Сергей Колыванов, среднего роста, коренастый, с длинными руками, задумчиво потерев челюсть, кивнул: «Знаем».

– Родина хочет дать нам опасное поручение на востоке нашей страны и даже дальше.

– В Тихом океане, что ль? – без стеснения спросил наголо бритый летчик.

– Некоторые и карту знают, оказывается. Значит, учить меньше придется, – прищурился Иван. – Летун, ты учти, я знаю, что ты крутой, и немцы, которые тебя беспокоили, они вконец долетались. Но и ты у меня дотрависси, ежели будешь встречать в мою руководящую речь. Задача будет поставлена в срок. Желающие обратно в камеру смертников есть? Нет? Тогда диспозиция: в ближайшие месяцы все пройдут спецподготовку, подновят свои умения, приобретут новые. А потом Родина нас пошлет. Очень далеко пошлет, в смысле.

Глава 7

Подготовка

Бывших смертников в закрытом автобусе перевезли на базу спецподготовки НКВД в Подмосковье. Здесь на обширной территории, огражденной высоким забором с колючей проволокой поверху, готовились диверсионные и разведывательные группы для дальней заброски за линию фронта. Одни группы приходили, другие уходили, чаще всего, чтобы никогда уже не вернуться обратно. Только инструкторский состав по большей части оставался прежним.

Новая жизнь началась для бывших «врагов народа» сразу. Начальник физподготовки, ростом почти с Ивана, здоровый борец и штангист лет тридцати, слегка иронически осмотрел выстроившуюся напротив него новую группу.

– Дедов привезли, молодежь закончилась, – констатировал он с легким смешком, искоса глянув на холодное лицо Ивана. Стоявшие тут же инструкторы базы, среди которых были опытнейшие снайперы, подрывники и рукопашники, пришедшие взглянуть на новичков, тоже засмеялись. Все они были молодые, немного за двадцать, но уже со значками мастеров спорта.

Потом здоровяк заметил Ивана Линова, которого по причине ярко выраженной китайской внешности сложно было

не узнать. Явление китайца из небытия заставило его приподнять бровь. Когда-то они были знакомы по спортобществу НКВД «Динамо».

– Не потерял навык, Ваня? – обратился он к китайцу и кивнул на положенную на кирпичи четырехсантиметровой толщины доску. Тот подошел, стал поудобнее и, резко выдохнув, ударом кулака с треском переломил ее пополам.

– Вроде нет, – констатировал начальник спортсменов. – Давай спарринг?

Ван Линь кивнул, и заинтересованные зрители увидели, как китаец по очереди уложил на лопатки трех инструкторов-рукопашников.

– Хорошо работает Ваня. – Иван смахнул невольную слезу из уголка глаза. – Помню, как-то на Дальнем Востоке схлестнулись мы с ипонцами, да так крепко, что патроны закончились. И врукопашную пошли. Один ихний офицер, видимо, тоже гимнаст, сабелькой самурайской резво махал, а где и сапогом въедет, и человек больше не встанет... Многих наших положил. Ну пока он на меня не налетел. Он же не знал, что кувалдой можно от шашки отмахаться. И уже больше ничего нового он не узнает...

– А вы, товарищ...

– Иван.

– Да, Иван, не хотите в спарринг с моими чемпионами – самбист, боксер, вольник? – поинтересовался заинтригованный новичком главный спортсмен.

– Можно. Со всеми тремя сразу.

– Эх... Предупреждаю, они годами отрабатывали удары в схватках с осужденными к высшей мере врагами народа – во времена вашей молодости таких называли «гладиаторами», а мы их зовем «добровольцами». Предупрежу их, чтобы не в полную силу работали...

– Знаю я ваших ребят, Ощепков о своих учениках рассказывал. – Начальник спортсменов услышав это имя, зыркнул по сторонам – не слышал ли кто? – Один душить любит, другой ногой по яйцам вломить, чтобы враг окочурился... А мне лично нравятся все способы убийства. Так что пускай не стесняются. Я хорошую драку люблю.

Он отдал пояс с пистолетом, с которым не расставался, Сергею.

Трое рослых спортсменов лет двадцати пяти обступили с трех сторон Ивана и, повинувшись невидимому сигналу, разом ринулись в атаку. Что произошло далее – невозможно было разглядеть без использования замедленной съемки. Послышались три сильных хлопка, будто кому-то раскрытой ладонью дали затрещины. Только что трое опытных бойцов-спортсменов атаковали – и вот они возятся в пыли, отхаркиваясь, хрипя и предпринимая малоуспешные попытки встать на ноги.

– Эх, черт епинацкий! Это я люблю! – Иван широко ухмылялся, руки в боки, молниеносная схватка его взбодрила. – Я бил ладонью, – объяснил он. – Дело в том, что я от-

рабатывал свои удары на петлюоровцах, деникинцах, врангелевцах, японских оккупантах и семеновских бандитах – и у всех у них были пашки, наганы, винтовки и иные неприятные штуки. Это дает стимул, которого заключенный враг народа, морально, а также и фактически обезоруженный перед могучей савейской властью, дать не может. Поэтому кулаком я могу убить.

– Уважаю! – лаконично заметил начальник физподготовки.

Затем группу вывели на полигон. Вначале их взял в оборот инструктор по метанию ножей, подвел их к мишеням для метания холодного оружия.

– Ну-ка, покажи, Леон, – сказал Иван полуседому негру (негры в тюрьме сидят так же быстро, как и белые). Негр взял в левую руку несколько ножей разведчика. И тут уже инструктор ножевого боя только рот разинул, Жакерия запулил в раскрашенную доску ножи и с семи, и с девяти метров с такой быстротой и силой, что они входили в грудь нарисованной на дощатой мишени фигуры до середины лезвия. Рука хирурга только мелькала так, что ее невозможно было разглядеть. Тук, тук, тук, – стучали, втыкаясь, ножи, образуя крест в черной фигуре фашиста.

– Вот что значит советский врач! Трепещите, фашистские гады! – громко прокомментировал Иван.

– Где вы так научились метать? – спросил инструктор неожиданного чемпиона.

– У нас в племени, в пустыне Экваториальной Африки, мы обычно так охотились на гиппопотамов, – ответил с полной серьезностью Леон, родом из французского Сенегала, выросший в туземных трущобах Дакара и с пеленок впитавший пропитанный солью воздух Атлантического океана. Именно там, окончив школу для туземного населения, он и нанялся во французский флот. – ...А иногда и на белых колонизаторов, если они нам попадались. Но жареное мясо гиппопотама мне всегда нравилось больше, – заметил он, ловя несколько опасливый взгляд инструктора.

Потом новые слушатели спецшколы перешли к курсам саперов. Здесь всех приятно удивил советский ученый-геоморфолог Колыванов, который за сорок секунд произвел минирование объекта. О своем боевом прошлом на Гражданской войне он никому не распространялся, скупко объяснил, что работал на шахте в Донбассе.

Добрались до стрельбища – тут летчик Копыто попросил дать ему дегтяревский ручной пулемет и, покрепче расставив ноги, принялся палить от бедра и попал во все мишени с двухсот метров.

– Молодец, – похлопал его по плечу тяжелой рукой Иван. – На Гражданской часто приходилось стрелять с рук из пулемета «Льюис», типа этого дегтяревского. Но еще чаще из «максима», снятого со станка, хотя он тяжеловат, собака, но зато лента длинная. И долго стрелять можно – пока не закипит водяное охлаждение.

Инструктор поглядел на него слегка ошарашенно – заправленный водой «максим» полтора пуда весит, а еще лента с патронами. Он бы точно так не смог. Впрочем, все новички из этой группы, кроме моряка, стреляли достаточно метко.

– Ты-то хоть скажи, где так стрелять научился? – спросил Боброва огорченный своей неудачей кряжистый, бородатый Крынка.

– Что же мы, по-твоему, когда с академиком Вавиловым по разным трущобам мира шарились, выполняя пожелания товарищей из Разведупра РККА, у нас все мирно было? И афганцы на нас нападали, и курды, и хунхузы, и герильерос всякие налетали. И всех мы отбили.

Дальше пошли читать им различные шпионские спецпредметы. Здесь, на занятии по радиоделу шофер и связист Кузнецов, сев за рацию, с бешеной скоростью выдал группы морзянки, чем вызвал похвалу инструктора-радиста, который, однако, к необычным познаниям новичка отнесся с подозрением. Инструктор сходил в Особый отдел «стрельнуть» сигарет и вернулся слегка обескураженный.

Вскоре всю группу отвели на участок для занятий альпинизмом, точнее скалолазанием. Тут и худощавый высоколицый биолог Бобров, выглядевший старше остальных, как оно и было, встретил среди инструкторов знакомого.

Это был среднего роста хромой человек с высоким лбом, покрытым морщинами и с изувеченными кистями рук, на которых отсутствовало по несколько пальцев.

– Привет, Коля, – сказал тот, протягивая изувеченную руку новоприбывшему.

– Здравствуй, Витя, – отвечал Бобров, крепко пожимая беспалую кисть.

– Слышал, тебя оправдали?

– Да, – отвечал беспалый. – А тебя тоже?

– Нет, меня, можно сказать, на поруки взяли, – Николай кивнул на рослого Ивана, разглядывавшего высокий меловой обрыв.

– Ты попал не по альпинистскому делу? – спросил Виталий.

– Нет, вредительство по клещевому энцефалиту. Хотя ваше дело мне статьи утяжелило. Много по нему людей попало?

– Почти все. Местных проводников, я слышал, прямо в Нальчике и расстреляли. А наших столичных ребят всех загребли, особенно тех, кто писал книги по альпинизму, был организаторами походов – от многих нет вестей, значит, и их тоже уже нет.

– Это из-за экспедиций на Эльбрус с немцами?

– Меня-то, конечно, да: разрешения, мол, на работу с иностранцами не спросил. А многих взяли из-за походов с наркомом юстиции Крыленко, он за собой их всех в могилу и утащил. Там вообще важное дело организовали...

– Слыхал... Ну что, слазаем на стеночку?

– Да. Только ты сам, я сейчас больше ножками, – он по-

вертел изуродованной кистью.

На обрыв первым, отдуваясь, вылез немолодой Бобров, следом – равномерно дыша, словно мощная машина, вскарабкался громоздкий Иван. Не у всех из группы вышло забраться с первого раза. Иван уселся, свесив ноги с обрыва, разглядывая реку внизу.

– Это кто?

– Инструктор? Это Виталий Абалаков, брат Евгения, который первый на семитысячный пик Коммунизма без кислорода вошел. По крайней мере, такова официальная версия. Может, тогда и не дошел чуть-чуть, он же ведь человек, а человеку на такой высоте все-таки чем-то дышать нужно. Хотя легкие у него как кузнечные меха. Евгений Абалаков лучший наш альпинист благодаря своим природным данным. Они оба – из ползунов по Красноярским столбам с малых лет. Из купецких детей, безотцовщина после Гражданской...

– А с рукой – это он где?

– Обморозил на спуске с горы. Там и погибшие были. Катастрофа тогда случилась...

Глава 8

Ивановы воспоминания

На занятиях этих всех их гоняли целый день, отрабатывая с ними разные диверсантские навыки. Отпускали «группу дедов», как их прозвали, ближе к вечеру. Схватывали новые умения они быстро, но возраст все же оказывал влияние на скорость выработки рефлексов.

Уставшие, возвращались они в большую общую комнату, уставленную вдоль стен проволочными койками, застеленными бело-синими американскими моряцкими пледами, полученными по ленд-лизу. Комнату топили железной печкой, в которую подкладывали березовые бруски. Тут же и обедали за большим столом возле окна. Дощатый пол при непосредственном участии Ивана отдраили до блеска, как корабельную палубу.

Когда Иван снял рубашку, перед тем как лечь в койку, на его боках обнажились ужасные застарелые шрамы, уже полужаросшие.

– Это откуда у вас? – поинтересовался механик Крынка.

– Это меня на Украине петлюровские гайдамаки колючей проволокой связали. Как Павку Корчагина из книжки Островского.

– С такой силой затянули?!

– Связали-то они меня с нормальной силой. И очень зря, для них. А вот когда я проволоку порвал и четырех человек, которые вели меня расстреливать, кулаком убил, то кровь с меня текла ручьем, еле перевязался ихними гимнастерками, пришлось еще ихние подштанники и портянки на бинты пу-
стить.

– А как вы у них оказались?

– Да в то время я был в войсках батки Махно, воевали с петлюровцами и с деникинцами. Ушли с рейдом на Полтаву. Пошел к бабе в село, выпил немного лишнего – всего-то четверть самогона – тут они и навалились...

– А Махно, он какой вообще был? – поддержал тему Кузнецов. – Похожий на то, как его описывали в книжках: пустые глаза, в которых клокочет злоба?

– Глаза его как раз очень живые, но могли быть как пули, когда он в гнев приходил. Ну и не как мартышка, конечно, он выглядел, как в фильме показан, хотя и невысокого роста. И хотя книжки писать самостоятельно вряд ли, конечно, смог бы, однако выражался он кратко и образно, и главное – доходчиво, до нутра каждого мог дойти. А еще отчаянность в нем была каторжная. И сам Федос Щусь, знаменитый черноморский матрос-анархист, чемпион флота по боксу, перед ним пасовал.

И конечно, Махно мог быть вполне беспощадным. И люди вокруг соответствующие были. Включая какое-то время меня.

– А Щуся знали?

– Ну он лет на пять постарше меня, призвали его в двадцать пять, а меня лет в девятнадцать. На весь Черноморский флот знаменитый боксер был, джиу-джитсу тоже где-то научился, которому, кстати, по первости только разведчиков в царской армии да жандармов обучали. Только сомнение у меня есть, что он на «Иоанне Златоусте» служил, – мне-то очевидно, что кораблик его был куда поменьше, хоть бескозырка его и с броненосца взялась. Да... Чемпион, анархист, любил покрасоваться – хоть и моряк, а ходил в гусарском ментике, на боку и кольт, и сабля, и кинжал... Свой отряд набрал, потом к Махно привел. Он меня, кстати, тоже уважал. Мы с ним как-то решили силой помериться – техника боксерская у него хорошая была, еле успевал от его хуков и джебов уворачиваться. Но потом я сумел его склешнить, и тут ему и джиу-джитсу не помогло – удержал его спеленатым, бережно, как десятидюймовый снаряд, который на корабле на спор поднимал. А еще, грешным делом, любил он человека убить, да еще с закавыкой: на крыле мельницы, например, повесить, чтобы его крутило. И так на всех крыльях. А то и просто пристрелить.

Я такого не понимал: какой смысл в убийстве, если оно – не результат победы в бодрящей смертельной схватке? Победа – вот что дает кайф! Ну и как-то конфликт у нас вышел: он, как обычно, за кольт свой схватился, чтобы меня кончить, а у меня маузер ему уже в лоб нацелен. Разошли-

ся со скрежетом бортов. Больше не лез. Так как он фактически уже вторым человеком после Махненки стал, наряду с Семеном Каретником, я тогда решил, что нечего мне у них делать, и ушел к красным. А погиб он, говорят, тем же макаром. Мы с Кольвановым тогда в Шестой армии, о бок с моими земляками-северянами против белых воевали... Так вот, когда мужику повсеместно отдали землю от имени савецкой власти, отряд махновский сильно в количестве пострадал. И притиснула тогда их крепко конница Котовского. Тут, говорят, Щусь и предложил сдаться красным. Отряд разделился по этому вопросу, но как Махно увидел, что за Федосом меньше людей, безо всяких сомнений хватить наган и жажнул ему в лоб, как когда-то саданул мятежному атаману Григорьеву. Опять у Щуся реакция не поспела альбо батькиной решимости не хватило... В Гражданскую часто зависело: кто выстрелит первым. Потом Махно в Румынию раненного переправили, оттуда в Польшу... Как-то в двадцать пятом уже его чекисты в Данциге заловили и в посольство повезли. А он на полном ходу – прыг из машины и был таков. Такого голыми руками не возьмешь! Славные времена были, убийственные, черт епинацкий!

– Это не ты его ловил? – заинтересованно спросил Копыто.

– Я бы на такое никогда не пошел, и все, кому надо, это знали. – Иван пожал плечом. – А помнишь, Сергей, как мы на белогвардейские танки охотились? – скрипнув пружин-

ной койкой, повернулся он к Колыванову.

– А у белых и танки были? Прямо как нынешние? – пришла пора удивиться Исидору.

– А как же! «Эмка пять», английские. Здоровая такая дура, гусеницы намотаны вокруг корпуса, размером с нынешний танк КВ, а весом, конечно, поменьше – броня тоньше. У белых под Новой Каховкой их штук пятнадцать было. Пехота от них бегала из траншей только так: прет на тебя этакая дура – либо пара двухдюймовок по бокам и несколько пулеметов, либо просто полдюжины пулеметов по кругу. Прямо ползучая смерть на гусеницах.

– А как вы на них охотились? – заинтересовался механик Крынка.

– Я, с Сергеем на закорках, подбирался сзади, запрыгивал на танк, открывал люк на командирской рубке, и Колыванов вываливал туда ведро гранат, которое у него в руках было.

– Что ты врешь, Иван, куском мергеля ты по башке! – искренне возмутился геоморфолог.

– И правда! Вру, – довольно засмеялся Иван. – Люблю это дело. По правде, хрен к нему подберешься, кругом пулеметы строчат. Я брал пару трехдюймовых снарядов у артели, Сергей – ящик динамита. Подползали к танку сажен на пятнадцать, и я кидал снаряд. Снаряд взрывался. Ежели под гусеницей, то вообще хорошо, он крутиться начинал на месте. А если сверху на корпусе, то броню, конечно, не пробивало, но они там внутри все приседали на жопу, и, пока очухают-

ся, Сергей им заряд под корпус подкладывал, бикфорду за-
жигал, и кирдык танку.

– И сколь так уработали?

– Три. От них батальон пехоты сбежал, и тут внезапно
мы. Не помогли, однако, танки генералу Слащеву взять Ка-
ховский плацдарм и перейти на правобережье Днепра! Но, с
другой стороны, и Крым он тогда крепко держал! Не могли
наши взять никак, бил их беспощадно по всем местам, толь-
ко искры летели! Комдиву Дыбенке тогда гигантская задни-
ца явилась, да и махновцам от генерала хорошо досталось!
А вот уже когда Врангель, переберясь в Крым, на него всех
собак повесил и Слащев в отставку ушел, тогда-то у белых
фронт и посыпался... Ну и мы, чего прибежаться, подна-
жали... Польская кампания кончилась, войска можно было
на Крым перебросить. Но с махновцами, которые Перекоп
взяли, Фрунзе тогда, конечно, очень погорячился – распра-
вился с нашим союзником, своим же пролетарским братом,
который с нами плечом к плечу... Правда, когда за год перед
этим с ними разлад вышел, они красных бойцов тоже в плен
не брали, было...

Койка снова заскрипела, и через минуту раздался могу-
чий храп: Иван умел засыпать молниеносно, как и не спать
сутками.

...Вечерами, если не было ночных занятий, перед которы-
ми стоило выспаться, они беседовали о разных предметах,
как недавние смертники – не особо стесняясь и политиче-

ских.

В какой-то день молодой Исидор Копыто спросил, с подначкой, Ивана – как он относится к Дзержинскому?

– Как отношусь? Да уважаю его. Видел я его несколько раз. Человек всю жизнь с царем боролся, а мог бы водку пить. Не гнушался врага своей рукой убить. Руки по локоть в крови полицейских провокаторов и агентов охраны, – ну, это как нынешнее НКВД. Только людей они тогда убивали гораздо меньше. Поэтому он свое дело знал, хотя, правда, с обратной стороны, так сказать... Словом, на своем месте оказался. И к тому же человек понимал свое достоинство! Один братишка как-то послал его по матушке, он, не говоря худого слова, вынул наган и хлопнул морячка. Ну, естественно, на что он рассчитывал, братишка? Он и от меня бы тут же в рыло получил. А тут государственный человек, не чета мне. А еще в него гранату кинули в кабинете, так он не растерялся, в сейф нырнул, тем и спасся. За это его Железный Феликс прозвали, мол, не проймешь ничем.

– А я думал, что его за чекистскую непреклонность так прозвали.

– Все они непреклонные, пока самому маузер под нос не сунешь. А тогда уже они обычные люди – бывает и твердые, а бывает... – Иван сделал вид, что плюет на пол, однако не плюнул, пояснил: – На палубу не плюют, это на флоте правильно заведено!

– А в империалистическую воевали?

– Нет, не пришлось. Подавал заявления, в Свеаборге как раз команды снайперов стали формировать на фронт, а я бегущему зайцу в глаз попаду. Только командир башни главного калибра, лейтенант Юрьев, у которого я был заряжающим, меня не отпускал, говорил, что я основа боеспособности первой башни. Поскольку со мной орудия стреляют в два раза быстрее, чем с других башен. Я, верно, быстро тяжелые снаряды подавал. Но с немцами мы только пару раз пересеклись. Не хотели наши адмиралы и каперанги под немецкие орудия подставляться. Разве иногда ходили на юг и жарили главным калибром по наступающей немецкой пехоте. И когда наши старые броненосцы последний раз дали немецким линкорам жару под Моонзундом, новые наши корабли отстаивались у стенки в Финляндии. На мораль флотскую это здорово влияло, конечно...

Юрьев хороший мужик был, я в октябре семнадцатого братишкам сказал: кто его тронет, в кровавую кашу раздавлю! – Глаз у Ивана налился краснотой, он глубже втянул воздух. – Только вот гнида одна, мозгля, кожан с маузером нацепил и решил, что всех, кого хочет, кончать может. Стрельнули Юрьева. Ну я пошел туда, где нынче Большой дом, в кабинетик зашел, где этот товарищ чай с кокаином дристал, спрашиваю: «Тебе Юрьев сказал, что я не велел его трогать?» А он в ответ: «Для революционной Чеки человек ничто, идея – все!» – «Ну, – говорю, – тогда иди, с Буддой пообщайся об идеях». Хлопнул его на месте и ушел.

– И что?

– Революционный трибунал меня вчистую оправдал. Попробовали бы они меня не оправдать, от них бы ничего не осталось, как мы с полсотней братишек при оружии в зале сидели!

– А вообще-то вы офицеров – того?

– Каждая мелкая золотопогонная сволочь, если она сволочь, а не по делу, когда видит в подчинении гору мышц, желает утвердиться. Ну вот кое-кто и утвердился на дне Балтики. Я по делу без соплей, но на пустую обиду злопамятный. Хотя, конечно, думаю, что я тогда был молодой и злой. Сейчас, может быть, по уму и не тронул бы кого: человек бывает злобный, но и к службе ревностный.

– А вы, будучи революционный матрос, знали первого нашего наркомвоенмора, а впоследствии врага народа Павла Дыбенко? – продолжил провокации Копыто.

– Знал ли я этого хитрого хохла? Разумеется, весь флот его знал, краснобай и агитатор он был еще тот. Мы с ним на соседних линкорах лямку тянули. А еще я слышал, что до войны Павлик в полиции служил, поэтому ему всегда лафа была. Он был в отряде моряков, высаженных на сушу для борьбы с немцем. Только с ним они, по настоянию Павлика, воевать отказались, позднее превратившись в одну из сил начинавшейся Гражданской войны. От полученной вскоре власти, водки, которая его в конце концов и погубила, и кокаина (а кокаин, я скажу, был одной из причин высокой ре-

волюционности братишек в Гельсингфорсе и Кронштадте) у Дыбенко крышу снесло. И он постановил вместо того, чтобы быстро, по-революционному решить офицерский вопрос, кончить всем на флоте известных «драконов» и затем вернуть в службу порядок, – вместо того установить инквизицию и истреблять всех офицеров, как плохих, так и хороших.

И вот, как мы у себя на судне этот вопрос давно порешили, и вдруг являются мне люди от Павлика Дыбенко и предлагают выдать сверхнормативных офицеров для народной расправы.

Я им говорю: «Считаю этот шаг политически нецелесообразным и не соответствующим как народным чаяниям, так и текущему моменту. Короче, валите, на хрен, взад, к товарищу Дыбенко. Ша, погуляли – и будет!» «А какие ты имеешь аргументы против всеобщей ликвидации офицерства?» – недобро так щурятся, прям на нашего Ваньку похожие стали.

«Имею следующие аргументы, – показываю им свои кулаки, – для разъяснительной работы с дружелюбно настроенными братишками, с которыми после ее проведения возможно совместное употребление спиртных напитков, чтобы битые рожи слишком угрюмыми не казались. Что касается недружелюбно настроенных негодяев с отбитыми бошками, аргументы тоже имею – по семь в каждом из моих наганов, снятых с уделанных мною лично золотопогонников. Рассказываю: давеча ко мне явились выпившие братишки с другой

посудины и тоже с неприличной настойчивостью требовали себе офицеров, точно это бардак с мамзелями, а не военный пароход. Проведенная дружелюбно разъяснительная работа спьяну показалась им оскорбительной для революционной чести, и пара выбитых челюстей вместо вразумления только повысила ихнюю агрессивность. Они, как говорится, полезли в кобуру, и пришлось показать им, что я стреляю быстрее: трех застреленных братишек было вполне достаточно, чтобы привести остальных в чувство. Но со стыдом каюсь, что ихняя вопиющая тупость по отношению к ясно выраженному аргументированному возражению привела меня в такую ярость, что еще двое братишек пали жертвами революционного момента. Короче, идите и скажите Дыбенке, что если евойная задача сделать так, чтобы корабли приклеились к стенке до самого прихода немцев и взятия их тепленькими без штанов, то метод поголовного истребления офицеры для этого самый надежный. Более вас не задерживаю».

А надо сказать, что от немцев Павлик всегда почему-то бегал, не то что от мятежных морячков в Кронштадте или мужичков в Тамбове. Так что аргументация моя была прямо в глаз, и больше оттедова не приходили. Впрочем, вскоре, после перехода Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт я с корабля ушел на фронта Гражданской.

А про Павлика я слышал позднее, что после его расправы с восставшими в двадцать первом братишками в Кронштадте кто-то из наших революционных полководцев сказал, что

за пять лет на войне он такой резни не видал. Ну, не видал – не значит «не было». В книжках пишут, что в шестнадцатом году на реке Сомме англичане в первый же день атаки потеряли под немецкими пулеметами в два раза больше людей, чем Дыбенко на острове перебил. Правда, там фронт был длиной сорок километров.

– А слушают ли нас здесь, как думаешь, Иван? – после этого разговора задумчиво спросил, раскачивая ногой на койке, белобрысый худощавый, лет тридцати на вид (моложе выглядел только Исидор) Петр Кузнецов, у которого всякая радиотехника и способы ее использования вызывали повышенный интерес.

– Обязательно, и все мои контрреволюционные разговоры записывают и подшивают к делу, чтобы в случае было за что расстрелять. А что ж им еще делать, скажи на милость, ежели они диверсантов боевому искусству обучать рылом не вышли, но и на фронт тоже не хотят? Вот и маются, сердешные, за стенкой, уши себе растягивают, как у этих туркестанских животных. Как бишь их?

– Ишаков, – подсказал Петр.

– Точно, ешаков! – обрадовался Иван. – Ежов же сказал: чекист – внутренний разведчик, а разведчик среди кого функционирует? Среди врага. В данном случае – среди нас.

Потом, что-то вспомнив, ухмыльнулся недобро:

– А я вам историю одну расскажу, как раз случилась, когда я был в прошлом десятилетии начальником лесопильно-

го завода. В обеденный перерыв решил культурно отдохнуть. Пригласил в кабинет бабу, женчину то есть, водки ей налил. И только было мы настроились на культурное времяпровождение, как раз – звонок телефонный, длинный, требовательный. Ну, я как дисциплинированный начальник, сразу к телефону – мало ли что! Снял трубку – а там тишина. И звук такой, будто смехом давятся. Ну, я понял все. Скушно робятам, наплодили их как блох, а шпиенов в северной тайге маловато водится, климат-то суровой, ну и не растут, вот робятки и развлекаются как могут.

Думаю: шутки шутить я тоже умею. Трубку оборвал. С бабешкой довели беседу до конца. Потом сказал своим, что по делам должен уйти в соседний поселок. А сам затаился в кустах поодаль. Я охотник, терпеливый. И вот вижу, где-то через час прикатывает на лисапете чмырь в кепке. Взял сумку телефониста, зашел внутрь. Я подождал, чтобы он все поправил. Возвращается к лисапету, а там я. «Привет», – говорю, взял за руку и пару лещей отвесил – челюсть ему свернул и пару ребер поломал. Да руку держал, он вырывался, в двух местах сломалась, по обе стороны моего кулака. «Больше, – говорю, – не шути. А то не уедешь». И отпустил.

Через полчаса на поправленный телефон – звонок. «Ага, – думаю, – справки обо мне навел – сам не полез». Беру трубку. Оттудова мат! «Ты такой-сякой, с тобой начальник оперчасти Хренов говорит! Почему оперсотруднику переломы нанес? Я тебя на Чукотке сгною!» Отвечаю: «Сотрудник

твой сам себе повреждения нанес, смеялся очень с меня, с лисапета упал пару раз. Мог вообще себе шею свернуть. С меня, когда я с бабой, во всей Савейской стране смеяться может только один человек, без риску себе навредить». – «Ты чё такое говоришь! Ты об ком такое думаешь?!» – орет. Отвечаю: «В Савейской стране на меня в этом интимном случае может зубы шкерить токмо покойник, ибо ему уже ништо не повредит. А если у тебя в голове шевелится мысль, что люди, об которых ты сам, наверное, думаешь, имеют время и охоту на такую хрень, то ты сам от своих оперсотрудников недалеко ходишь. Больше не смейтесь без смыслу, чтобы вам зубы из жопы выковыривать не пришлось!» – так поговорили. Ну, оставили они меня в покое, но, видать, затаили недоброе. Так как в тридцать седьмом решили ко мне всей кодлой наведаться.

– И что? – с неволью выданным напряжением в голосе спросил Копыто.

– И я их убил всех и в бега подался. И по сию пору никто бы меня не нашел, ежели бы не сдурил, не решил нашим в финскую войну пособить. А зря!

Глава 9

Визит

Вспыльчивого летчика Копыто регулярно возили на военный аэродром Чкаловский тренироваться полетам на транспортных самолетах и бомбардировщиках. Помимо прочего, он также по вечерам изучал перечень японских иероглифических подписей к бортовым приборам. Забывал, матерился и снова зубрил. Такой же японский перечень, только к судовой машине и приборам судовой рубки управления, учил и всегда спокойный судомеханик Виктор Крынка. Только подходящего судна для тренировок на реке для него не нашлось.

Между тем, как уже говорилось, возраст участников группы и перенесенная тюрьма сказывались на их работоспособности, и подготовка намного превысила запланированную пару месяцев. К тому же по настоянию Боброва их привили от таежного энцефалита и от чумы, которая ходила по Китаю, проявляясь то там, то здесь, и вспышки эти эпидемические подозрительно напоминали бактериологические диверсии. Прививки требовали времени на формирование иммунитета. Образовавшимся временем они воспользовались, чтобы освоить немного японский язык под руководством Ван Линя. Было время и на размышления.

На стене комнаты висел оборонный плакат с телефонист-

кой в платке, прижавшей палец к губам, и подписью: «Не болтай!», перечеркнутой и переправленной на разговорное слово.

Однажды к ним зашел заместитель начальника базы по политической части и, увидев это непотребство, начал гнать волну. Получил от Ивана в ухо легонько и, когда очнулся, ушел и более не возвращался.

Прошло уже месяца три. Как-то группа отдыхала после очередного рабочего дня. Иван, мечтательно глядя на упомянутый плакат, спросил Боброва, лежащего на койке:

– Слушай, Коля – а чего это вы, интелехенты, так не любите народного академика Лысенку? Он же вроде полезные открытия делает?

Бобров отвечал в тон:

– Потому что самое крупное открытие товарища Лысенки – то, что от подмораживания семян пшеница начинает ветвиться и дает большой урожай. Что не очень доказано в плане роста валового сбора зерна. Также значительное место в его учении занимает идея, что путем социалистического перевоспитания из виноградной лозы можно получить грушевое дерево.

Иван задумался:

– Ну, может быть, у них на Украине от мороза пшеница и ветвится, а у нас в тайге от морозов ветвятся только елки. А кукуруза, которую, хорошенько проморозив, растят в Архангельской области, дает отличный урожай зеленой массы

– стебли достигают четырехметровой длины! Но початков не дает совсем. Факт. Поэтому я согласен, что идея эта не для всесоюзного применения. Что касается перевода винограда, из которого можно приготовить не только питательный изюм, но и отличное вино для женщин, в грушу, из которой можно гнать только фруктовую самогонку, я считаю такую мысль никуда не годной, и гнать ее надо палкой. Разные растения не просто так культивировались на протяжении древней человеческой истории, и каждое имеет свою функцию. Не надо нам такой науки.

– И я о том же, – отвечал Бобров.

...Внезапно распахнулась дверь, и в комнату стремительно вошел высокий полный человек с волевым лицом, одетый в кожаное пальто с генеральскими петлицами, с портфелем в руках.

– Здравствуйте, товарищи! Меня зовут Наум Эйтингон, я заместитель начальника Четвертого отдела НКВД. Вы поступили под мое начало, – он критически оглядел членов группы, продолжавших валяться на койках, только Иван поднялся, в одних носках, оправив пояс с кобурой. Потом Эйтингон сел на табурет у стола в углу комнаты и сделал энергичный подзывающий жест рукой.

– Присаживайтесь, товарищ Иван, мы сейчас обсудим план вашего внедрения к японцам.

– Слушаю внимательно, товарищ Эйтингон, – отвечал Иван, присаживаясь рядом за стол, на который генерал гос-

безопасности выложил из портфеля большую географическую карту. Остальные тоже встали со своих коек и подошли ближе, принявшись рассматривать подробную карту Восточной Азии.

– Мы предполагаем выдать вашу группу за белогвардейцев из Турфана в китайском приграничье. Переоденем вас в форму царской армии из старых запасов. Вооружим наганями и трехлинейками. Доставим вас в район Благовещенска, – Эйтингон ткнул пальцем в точку на карте, рядом с голубой полоской Амура, – переправим за кордон. Вы сможете войти в доверие к японцам...

– Товарищ Эйтингон, ваша операция по ликвидации китайского генерала-милитариста Чжан Цзолина в двадцать восьмом году всегда восхищала меня своей масштабностью и хитростью. – Эйтингон впился глазами в Ивана – та операция была секретной, литерной, откуда бывший зэка про нее знает? К тому же он чувствовал в этом заявлении некий подвох. И его худшие опасения подтвердились:

– По информации, полученной мной лично от товарища Берия, наша группа никому не подотчетна. И поэтому, товарищ старший комиссар, вашу товарищескую помощь мы принимаем с благодарностью. Что до подобной маскировки, то притворяться белогвардейцами было бы крайне удачно еще лет десять тому назад. Однако белогвардейская бригада генерала Нечаева уже давно расформирована. Ипонцы в курсе, что наши ответственные товарищи нанимают бывших

белогвардейцев в Урумчи для местных противодиверсионных частей. Такой путь, считаю, прямая дорога к провалу задания.

– А что вы предлагаете? – спросил раздраженно Эйтингон.

Ответ Ивана показал, что он давно обдумывал проблему захода на вражескую территорию.

– Сидор, какие у немцев есть дальние бомбардировщики? – повернулся к летчику Иван.

– Самый распространенный – «Хейнкель-177», четыре мотора, объединенные под двумя капотами, два мощных четырехлопастных винта. Кстати, сами фрицы называют его летающей зажигалкой – в его баки очень много топлива можно залить. Взять может до шести или семи тонн бомб, вооружен авиационными пушками и крупнокалиберными пулеметами.

– А какой у него экипаж?

– Шесть человек.

– Вот и отлично! Дальность действия?

– Боевой радиус – свыше полторы тысячи километров.

Перегоночная дальность – свыше пяти тысяч, – лейтенант Копыто докладывал четко, как на экзамене.

– Где ближайшее базирование?

– Запорожье, – опередил Эйтингон.

– Вот что я предлагаю, – сказал Иван. – Мы – это румынский экипаж бомбардировщика «Хейнкель-177».

– Но почему румынский?

– У румын тяжелых бомбардировщиков нет, вот немцы им и передали. Две штуки.

– Но почему румыны?

– Ипонцы могут знать немецкий, который мы хорошо не знаем. Разве только Бобров, он у немцев учился. К тому же если наша группа окажется в церкви (а в Японии они есть, мне это Ощепков говорил, дзюдоист, которого при Ежове на Лубянке заморили) и мы автоматически начнем креститься, то ипонцы сразу увидят, что крестимся мы тремя пальцами, как православные, а не двумя, как католики.

– А может, мы протестанты? – тут же вставил Исидор.

– Протестанты не крестятся, – заметил Эйтингон.

– Вот-вот, и я об этом, – кивнул Иван. – Румыны – самая крупная православная нация после русских. И вряд ли кто из ипонцев учил румынский язык в Румынии.

– Но мы тоже его не знаем!

– А им-то откуда это известно? Говорите по-нашему, а после каждого слова добавляйте «ул» или «тул»: самолетул, тарантул, чекистул, проституткул и так далее. Я слышал их в Одессе, они так говорят.

– Хорошо, и как мы без пересадки попадем из Запорожья на Дальний Восток? – поинтересовался летчик.

– Мы вылетели бомбить Челябинский танковый завод во славу Антонеску и румынских бояр. От Запорожья до Челябинска две тысячи километров, – толстый палец Ивана ра-

зом покрыл расстояние на карте. – На борту, допустим, не шесть, а две тонны бомб – четыре пятисотки. Соответственно и бензина залили больше чем на четыре тысячи километров. Бомбили, эффект нам неизвестен. Можно будет пропустить заметку в газете, что, мол, совершив массированный авианалет на Челябинский тракторный завод, немецко-фашистские изверги в него попасть не сумели... Потом мы по дальней связи получили от немцев известие, что вся истребительная авиация советских ПВО нас караулит на обратном пути. Тогда решили лететь в сторону союзной и японской границы, пользуясь тем, что советской авиации тут мало. Горючего хватило до Тувы. Самолет упал у подножия Саянских гор.

– Восточных Саян или Западных? – поинтересовался Кольванов.

– Думаю, лучше нам на Восточный Саян нацелиться.

– Но экипаж же из шести человек?

– Правильно. Копыто у летунов командир корабля, остальным надо отработать боевые роли. Бобров, например, штурман. Высадились и в тайге встретили двух беглых из лагеря: финн – Иван ткнул пальцем в себя, – и сын японца с Сахалина, «японский шпион». – Он показал на китайца Линова.

– А с ним как? – Судомеханик Крынка показал пальцем на негра Жакерию. – Он на румына не очень похож.

– Да, это проблема, – заметил Наум Эйтингон.

– Никакой проблемы, – ответил Иван спокойно, – это бывший сенегальский стрелок, прибыл с французскими оккупантами после империалистической войны, дезертировал и остался в Румынии. Работал в цирке метателем ножей и санитаром, с началом нынешней войны был призван в румынскую армию бортстрелком. Это их даже больше убедит, потому даже самураям известно, что негры в Савейской стране не проживают – у нас колониев в Африке нету.

Итак, продолжу: высадившись, мы тайгой прошли в район станции Маньчжурия, это еще примерно тысяча восьмисот километров. Если идти пешком по тридцать километров в день, два месяца уйдет. Да и по буреломам оборвемся порядком...

– Там большая степь в Забайкалье, особенно в районе Торейских озер, это южнее Борзи, – заметил Бобров.

– Значит, захватим машину АМО и проедем степь.

– Советские машины не могут без единой поломки проехать триста километров, – авторитетно заметил Петр Кузнецов.

– А на что нам бывший автомеханик Ионеско? – Палец Ивана, в два обычных человеческих толщиной, ткнул в грудь Петра. – Починил, мастер золотые ручки.

– Вы собираетесь для правдоподобия два месяца плестись по нашей территории? – удивился Эйтингон.

– Да нет, просто легенду разрабатываем, – успокоил его Иван. – И потом, можем взять на борт всего две пятисотки.

и долететь аж до Верхнеудинска...

– Это сейчас Улан-Удэ называется, – отметил Бобров.

– Мы знаем, что ты прохвессор, Коля, и всю географию знаешь...

– Мы его проезжали в экспедиции по дороге в Хабаровск в тридцать седьмом.

– Не повезло тебе в той экспедиции, Колян. Таежные клещи тебя не доконали, а вот другие паразиты трудового народа, спрятавшиеся под сенью нашего красного революционного знамени, до тебя добрались...

– Товарищ Иван, – с металлом в голосе заметил Эйтингон, – давайте по делу!

– Это я так, треплюсь маненько. Значит, к делу: выйдем к станции Даурия и перейдем в Маньчжурию, нынешнюю Маньчжоу-Го то есть, и там покажемся ипонцам. Они нас сначала в Ипонию захотят доставить, чтобы прощупать. Может, там-то у них есть, кто знает румынский. Ну, румынский посол хотя бы. А нам того и надо.

– А не безопаснее будет захватить рыбацкое судно и на нем пройти на острова?

– Может, и безопаснее, но наверняка не быстрее, чем на самолете. Товарищ Сталин ведь нас торопит, нет?

– Да.

– Обмундирование для шести человек надо потрепанное румынское. Мне старое финское, если осталось с финской войны. Я, мол, еще с той поры на стройках коммунизма,

кран замещаю. А то и лагерное сойдет. Или нет, лагерное еще на этой стороне наши могут заприметить, неправильно среагировать. Может, фуфайку и ватник какой-нибудь? Оружие румынам нужно немецкое, бывшее в очень хорошем употреблении, чтобы воронение облезло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.